

К у р с а н т в
АНАСТАСИЯ МАКСИМОВА

Максимова Анастасия

Курсанты

«Автор»

2023

Анастасия М.

Курсанты / М. Анастасия — «Автор», 2023

2008 год, Маша едет в другой город, чтобы исполнить свою мечту и стать следователем. Ее встречает школа милиции, новые друзья и непростые испытания. Если вы думаете, что студенческая жизнь для всех одинакова, то нет... У курсантов все гораздо веселее! Основано на реальных событиях Зоя Анишкина, Катя Упс и Нино Меладзе - псевдонимы Анастасии Максимовой.

© Анастасия М., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2. Маша	8
Глава 3. Маша	11
Глава 4. Семен Семеныч	14
Глава 5. Маша	17
Глава 6. Андрей Изворотов	20
Глава 7. Маша	23
Глава 8. Настя Маркевиченко	26
Глава 9. Диана	29
Глава 10. Макар Сохин	32
Глава 11. Маша	35
Глава 12. Литвин	38
Глава 13. Андрей Изворотов	41
Глава 14. Маша	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Максимова Анастасия

Курсанты

Глава 1

Изменила псевдоним на реальное имя, не теряйте!

2008 год, один из городов центральной России

История основана на реальных событиях, но всем причастным не искать стопроцентных совпадений. Это просто гимн волшебным пяти годам моей жизни!

– Маша, то есть Мария Копылова.

Я, наверное, в сотый раз подвернула съезжающую ляжку сумки. Она весила целый пуд, не меньше. Все плечи мне оттянула, но я упрямо продолжала возвращать ее на место.

– Хорошо, четыреста пятнадцатая, четвертой этаж. Становитесь здесь, позже дневальный вас отведет.

Дневальный. Я покосилась на двух худосочных парней, что с недовольными лицами подтирали за вошедшими следы обуви. На улице дождь был, вот и напачкали.

Я хотела было извиниться, с виноватым лицом протискиваясь через турникет, но вовремя прикусила язык, услышав:

– Абитура, что ль, заехала? Чего-то девки в этом году страшные, а парни щуплые.

Я оглянулась на несколько человек позади. Вот как раз стоявших щуплыми назвать было сложно. Тем не менее, проигнорировав их диалог, что слышали решительно все, даже женщина из приемной комиссии, встала сбоку.

Осмотрелась. Волнительно до чертиков. Я приехала поступать в институт! И не абы какой! А милицейский. Хотя моя подружка говорила, где я и где милиция.

Но я была непреклонна. С детства мечтала, как Каменская, распутывать самые сложные дела и ловить преступников! Чувствовала острую необходимость сделать родной поселок лучше.

Да, я шла по направлению и подозревала, что вернусь туда же – в небольшой ПГТ Курской области. Мне личное дело всем РОВД собирали, между прочим, физрук по нормативам гонял, историчка бесплатно давала уроки, чтобы я подготовилась.

Нет, ЕГЭ я не сдавала по предмету. Умные люди подсказали, что лучше тут, в институте вступительный. А то этот единый экзамен – зверь неведомый.

Хотя русский с математикой мне всего по одному-два балла до пятерки не хватило. Но я не расстроилась. Медаль все равно дали золотую, такие правила в этом году. Последнем экспериментальном. Говорят, ЕГЭ это надолго введут, а я надеюсь, что они ошибаются!

– Привет, я Диана!

Вздрыгнула, увидев перед собой высокую красивую девчонку. Она стояла без сумки, как я, и улыбалась. Немного покраснела, я еще стеснялась вот так общаться.

– Привет, я Маша, а ты тоже поступаешь?

Она откинула свои волосы назад, и я увидела на ее плече модную желтую сумку. А еще на ней были желтые балетки и серебристые джинсы низкой посадки. Красотка!

– Ага, на следователя хочу, говорят, на гаишников одни тупицы идут.

– Кто говорит?

Я замялась. Ничего не знала про местные «фишки», и поэтому стало неудобно. Да, здесь два факультета, но учат и на следователей, и на сотрудников Госавтоинспекции, и на участковых, и на оперуполномоченных.

– Да все. У меня тут парочка друзей учится на курс старше. Говорят, в первый год тут весело будет. Главное, в местную общагу не загреметь, а то будешь как парни в клетке. Я местная, если что, с хатой помогу, обращайся.

Снова покраснела. Нет у меня денег на съемное жилье. Но я знала, что таким, как я, положено тут общежитие. Оно вообще всего для нескольких девочек первого курса дается, так что очень надеялась оказаться в их числе. Если поступлю, разумеется.

Вообще, меня сразу предупредили, что мальчики живут тут до третьего курса на казарме, а девушки все в городе, но в том году сделали общежитие, один этаж, и теперь дают малообеспеченным номера. Вот я и надеялась...

Если что, коллега отца обещал, что поможет мне общагу от местного УВД выбить, но сам сказал, что там кошмарно по условиям. Но я была готова на все ради мечты пойти по стопам...

– Привет, Изворотов, и ты тут? Я думала, батя тебя не продал, ты ж сказал, лучше в армию пойдешь.

Обернулась, встречаясь глазами с высоким статным блондином. Бабуля про таких обычно говорила: порода. Наверное, немцы были в роду, прям чувствуется в нем...

– Диана? Ты ж тоже не собиралась вроде? Кто бы говорил про отца. Кстати...

Не успел парень пересечь турникет, показав документы девушке в форме, как к нему навстречу из фойе вышел высоченный и красивущий мужчина. Они были так похожи!

Я глянула на погоны. Ого, ничего себе, полковник целый! У нас в поселке один такой, и тот начальник РОВД, остальные все поменьше.

Мужчина бросил на нас хмурый взгляд, от которого захотелось поежиться. Я тут же отвела взгляд, а Диана тихо добавила:

– Мотай на ус, Маша, Изворотов-старший. Он тут один из самых отбитых преподав. Начальник кафедры секретки. Помешан на контроле и своем предмете. С ним никогда не спорь, мне отец даже сказал не связываться с этим...

– Полковником? – сипло добавила я.

Еще поступить не успела, а уже вводят в курс дела. Не то чтобы я против, но как-то рановато, на мой взгляд. Диана же с блеском в глазах подмигнула, сказав:

– О, ты тоже из наших? Чья дочка, колись? Местного мента или залетного.

Как всегда, при упоминании «мента» глаза увлажнились. Я отвела взгляд и просто ответила:

– Залетного, у меня папа в органах работал.

Не замечая моего состояния, девушка как ни в чем не бывало продолжила:

– Супер! Тут своих не бросают.

Не успела я возразить, как услышала голос женщины, что представилась секретарем приемной комиссии:

– Итак, сейчас идем все заполнять документы. Встаньте в кучку и идите за мной. Тут все поступающие на следственный факультет, верно?

Послышались положительные ответы, кивки. А я не понимала, что мне делать дальше. С сумкой здесь стояла я одна и, куда ее девать, понятия не имела. Кажется, провидение услышало мой немой вопрос, и женщина обратила на меня внимание. Она нахмурилась и сказала:

– А, Копылова. Вам надо вещи закинуть в комнату. По вам особое распоряжение.

Я покраснела. Десятки пар глаз устремились на меня – девушку, которая не успела поступить, но уже по особому распоряжению. Не такую рекламу я себе хотела. Точнее, я вообще никакой не хотела!

– О! Литвин, а ну-ка иди сюда.

Я обернулась на вход, куда смотрела секретарь комиссии, и замерла. Там через турникет по пропуску заходил высокий парень. У него такой взгляд был... Словно он сюда зашел как минимум в собственное царство.

– Вера Сергеевна, я на минутку, к сожалению...

Но невысокую блондинку с каре и очень милым голосом не так-то просто было смутить.

– Литвин, бери вот эту маленькую абитуриентку и отведи ее в общежитие, номер комнаты она знает, сумку помоги донести. А потом, как она вещи оставит, в аудиторию сто семь.

– Вера Сергеевна, а дневальные?

– Максим, да какие дневальные, на них сегодня Михалыч так наехал, они даже пискнуть боятся, не то что отойти с поста. Будь человеком, помоги девушке.

Кажется, я стала пунцового цвета. Этот Литвин так на меня смотрел, что я сама была готова найти искомую общагу, лишь бы его не отвлекать от, вне сомнения, важных дел.

Он просканировал меня взглядом с ног до головы, а потом сквозь зубы произнес:

– Хорошо, буду. Пошли... Абитуриентка!

«Мои дорогие! Эта история для меня особенная, так как я сейчас закрываю очередную главу своей жизни! А мои курсанты – кусочки из прошлого, открывают. Их будет много, и все такие яркие, со своим прошлым и будущим! Многое будет основано на историях из моей жизни и моего пути в пять курсантских лет, но 100% совпадений ждать не стоит») Это будет по-особенному, гарантирую, что вас затянет в этот мир моего прошлого...»

Глава 2. Маша

– Вот аудитория, удачи.

– Спасибо!

Благодарность я кричала спешно удаляющемуся парню уже в спину. Он донес мне сумку, дождался, пока комендантша выдаст ключ и покажет комнату, а потом проводил к нужной аудитории. Без слов и комментариев. Только сухое «удачи» в конце.

Не то чтобы я уши тут же развесила. Какой-то он странный. Нет, красивый, бесспорно, но очень уж крутой. Модно одет, а в руках явно крутил ключи от иномарки. И телефон у него был с большим экраном, современный, забыла марку... У нас таких в поселке и близко не стояло.

Я тряхнула головой, отгоняя странные мысли, и постучалась. Приоткрыла дверь и услышала торопливое:

– Заходите, Копылова. Только вас и ждем!

Вот же ж! Десятки пар глаз уставились на меня с разными эмоциями. Я же вжала голову в плечи, сумбурно извинилась и пошла на самый дальний ряд. Аудитория была большая, светлая, и народу в ней собралось прилично.

И все пялились на меня. А еще было душно. Прошел дождь, но продолжало парить, в окна светило солнце. Я пока добрела, с меня семь потов сошло.

К себе прижимала папку с документами. В ней были аттестаты, результаты ЕГЭ, еще какие-то заявления и ручка. На всякий случай целых три ручки, мало ли, вдруг одна откажет?

– Ну, теперь начнем! Итак, дорогие абитуриенты, с сегодняшнего дня вы начинаете поступление в наш юридический институт на следственный факультет. Процедура простая: сначала ВВК завтра с восьми до девяти в местной санчасти, затем письменный экзамен по русскому. Изложение. После него устные по истории и обществознанию, а затем физкультура. Списки групп мы вывесим в главном фойе...

– Привет, ручку не одолжишь? Моя не пишет.

Оторвалась от блокнота, куда все скрупулезно записывала, уставившись на соседа по парте. Вообще, парты тут были длинные, странные, рассчитанные явно на троих, но мы сидели сзади вдвоем.

Без раздумий протянула ручку парню. Он был такой деловой, в сером костюме, очках. Хотя при этом действительно из разряда «шупленьких».

– Спасибо.

– Кстати, забыла сказать, что мальчики из других регионов будут проживать на время вступительной кампании на территории института. Вам всем следует обратиться вот к майору милиции Симоненко Григорию Павловичу, он после поступления будет вашим начальником курса, а рядом сидит старший лейтенант милиции Глушкевич Роман Борисович, он будет заместителем...

– Как как, повторите, пожалуйста!

Тоненький голос моего соседа разрезал мертвую тишину аудитории, и все снова как по команде повернулись к нам. Я снова съезжилась. А вот будущее руководство, или как их там... Начальник курса усмехнулся и громко спросил:

– Ваша фамилия, товарищ абитуриент?

Парня рядом только что судорогой не скрутило. Было немного страшно, согласна. Мой однокашечник промямлил:

– Семен Семенович...

– Громче, товарищ абитуриент!

Мне становилось ясно, что это тебе не филфак. И не гражданский вуз, тут в нас, судя по всему, будут вбивать дисциплину. Только почему практикуются на Семене Семеновиче этом... Послышались смешки.

Я даже не сразу поняла почему, позже дошло, что фамилию парень так и не назвал.

– Товарищи абитуриенты, я разве разрешал кому-то болтать? Давайте сразу обозначу вам правило. Если хотите что-то спросить, то поднимаете руку, а потом встаете, говорите: «Товарищ майор, разрешите обратиться». Я, соответственно, разрешаю. Почти всегда...

Его глаза весело блеснули в сторону побледневшего Семена Семеновича. Снова слышались смешки. Сразу становило понятно, что такой порядок для многих сюрпризом не был. Я в их число, как и бедный парнишка, не входила.

– А зовут нас майор милиции Симоненко Григорий Павлович, вы там записываете записывайте. ВСЕ.

На последнем слове он грозно сверкнул глазами на сидевших в центре ребят. Я узнала Диану. Та даже не дернулась брать ручку. Майор снова усмехнулся, а потом продолжил:

– И старший лейтенант милиции Глушкевич Роман Борисович, записывайте наши телефоны. Все построения, мероприятия будут проходить с нами.

Мне кажется, температура в аудитории просто невыносимо поднялась. Ух! Зато многие все же принялись усердно записывать имена этих двух командиров.

– Спасибо большое, Григорий Павлович. Думаю, вы все понимаете, что это не просто вуз, у нас свои правила и порядки, просим их соблюдать с первых дней. Заодно примерите на себя роль курсантов, так сказать. А теперь прошу всех следовать за вашими командирами, за исключением медалистов. У них особый порядок поступления. Льготный.

Ну вот, и снова я выделилась. Так сказать, под занавес. Потому что Семен Семенович поднялся, а я осталась. Он сверкнул на меня недовольным взглядом, отдал ручку, поблагодарив, и поплелся на выход.

Думаю, теперь его тут все запомнят! Народ медленно рассасывался, а я подсчитывала конкурентов. Нет, я знала, что у меня далеко не одна льгота при поступлении, но все равно нервничала.

В итоге осталось человек пятнадцать, и всех пригласили сесть поближе. Секретарь комиссии тут же затараторила:

– Итак, вот вам ваше расписание. У вас только собеседование по истории и физкультура. Сдаете все отдельно. К вам присоединятся медалисты с другого факультета. А теперь идите за всеми, вам руководство курса расскажет, где что, и на обед отведет. Вы с сегодняшнего дня на довольствии.

Ого! А вот эта хорошая новость. Покормят? Я так обрадовалась, что не сразу заметила шепот девушки сбоку:

– Фу, казенные харчи есть. Надеюсь, не заставят...

– Ага, нас теперь тут с утра до вечера держать будут, забудь про город, мне сестра старшая рассказывала...

Слушала внимательно, по крупицам собирая важную информацию. Я не знала про здешние порядки ровным счетом ничего. Интересно же! Тем более я тут живу.

– Привет, я Алена.

Вздрыгнула, увидев рядом милую девушку. Она смущенно протягивала мне руку, с таким видом, словно обратиться ко мне было для нее подвигом. Как и я, невысокая, худенькая, но с большими теплыми серыми глазами.

– Маша.

– Маша, ты извини, что отвлекаю, но я неместная и понятия не имею, где здесь что. Не сможешь?

Она умоляюще смотрела, и я просто не могла отказать. Хотя понятия не имела, чем могу ей пригодиться.

– Конечно, но я сама тут впервые, так что большой помощи не жди.

Та закивала, и я улыбнулась. А пока мы вышли в коридор и пристроились в конце за всеми. Опять на улицу, и там нас остановили новые начальники. Они объяснили, что сейчас время обеда и нам надо вон в то здание, оно находилось метрах в пятидесяти от корпуса, из которого мы вышли.

– А вот справа в углу вход в медсанчасть. Завтра будете тут проходить ВВК. А теперь строиться!

Все недоуменно застыли. Что делать?

– Товарищ майор, мы что, пару метров пройти не сможем?

Судя по всему, я тут одна не понимала, о чем речь, но старший лейтенант тут же объяснил лаконичным:

– Не услышал правильного вопроса, поэтому даже не буду спрашивать вашу фамилию, товарищ абитуриент. А теперь прошу встать в строй по пять человек!

Про себя я подумала, что в жизни не слышала такой дури, но приказ попыталась выполнить. Что дальше?

Глава 3. Маша

– Ну, это, конечно, не строй, но оформленную кучку напоминает. Девочки взад, парни вперед, еще нужен запевала...

Товарищ майор задумался, а я четко расслышала: «Девочки взад – это уже похоже на интересное предложение», – и ржач из середины строя. Покраснела. Рядом стояли две девочки и тоже хихикали.

Я переминалась с ноги на ногу, собственно, как и многие вокруг. Хотя некоторые улыбались. Особенно те девочки справа. Они были очень похожи, сестры, наверное.

Одна из них была одета в очень короткую юбку и туфли на каблуках. Вторая в облегающие джинсы, и в целом они обе были такие модные. Я вообще заметила, что одеты абитуриенты все в основном были хорошо, даже немного неловко стало за свой простой внешний вид.

– Семен Семеныч, а ну-ка давай сюда.

Где-то впереди послышался писк. И что они к нему привязались? Мне уже было жаль парня, он явно не привык к подобному вниманию. Тем не менее лицо Григория Петровича, или Павловича, я еще не запомнила, лучилось радостью.

Семен Семеныч вышел из толпы, что, по идее, должна была быть строем, и осторожно приблизился к майору и старшему лейтенанту. Парень скромно проблеял: «Я тут». Курсовые переглянулись, и Григорий Павлович (я уже украдкой в блокноте подсмотрела) заявил:

– На будущее, когда называю вашу фамилию, сначала громко и четко отвечать «Я», а потом выполнять приказ. Тоже четко. Семен Семеныч, петь умеете?

Я стояла с краю и наблюдала все оттенки серого на лице парня. В строй послышались смешки.

– Не-е-е то чтобы. Я, вообще-то, баянист.

Так и хотелось себя по лбу ударить. Ну Семен Семеныч! Ну кто такими талантами хвастает на весь строй, даже я понимаю, что это лишнее! В середине уже откровенно ржали.

Старший лейтенант нахмурился. А потом неожиданно заявил:

– А что это у нас там, кавээнщики завелись? Смеется тот, кто смеется в наряде вне очереди, а у нас, между прочим, музыкантов с руками и ногами отрывают, будешь, Семеныч, в оркестре как у Христа за пазухой учиться, считай, бонус тебе прилетел. Нам такие ребята нужны!

Я перестала понимать происходящее. Сзади стояла Алена, и я буквально лопатками чувствовала ее напряжение. Девчонки сбоку негромко засмеялись:

– Ага, наш Сема-баянист.

– Так, хорош трепаться, Семен Семеныч, командуйте. Раз, раз, раз два три, раз, раз, раз два три.левой,левой, раз два три...

Дальше начался кавардак. Я пару раз на девятое мая на площади строем ходила, поэтому знала принцип маршировки, но, судя по всему, таких, как я, было маловато.

Впереди виднелась сплошная мешанина из ног. Кто куда! Не говоря уже о том, что спереди послышалось Дианино:

– Ты придурок! Ты знаешь, сколько эти балетки стоят?! Давай аккуратнее.

Мне тоже прилетело. Пока мы с мучениями и стонами, сталкиваясь и давя друг друга, как колорадские жуки в бутылке из-под пива, шли эти несчастные пятьдесят метров, Алена три раза наступила мне на пятку. Смачно так.

– Прости, Маша! Я никогда так не ходила...

Она едва не плакала, а я не успела ей ответить. Мы слава богу дошли, но... В этот момент из-за угла вышел просто огромный милиционер. Я заметила его одной из первых и только что рот от изумления не открыла!

Настоящий гигант, с пышными усами, целый полковник с такой выправкой... Ну просто загляденье. Правда, я еще не знала, что этого товарища тут надо за версту чують и желательно скрываться в противоположном направлении... Быстро скрываться.

Он остановился и осмотрел нас, и тут прозвучало громогласное: «Смирно!». От майора, разумеется. Не знаю, что по такой команде делать надо, но я просто застыла истуканом, как и добрая половина ребят. Мужчина же этот настоящим армейским басом как гаркнул:

– Вольно! Товарищ майор, доложите обстановку.

И тут произошла магия. Оба офицера как по команде подобрались, приложили руки к фуражкам, и майор командным голосом ответил:

– Товарищ полковник, за время вашего отсутствия происшествий не было, сопровождаем абитуриентов следственного факультета на прием пищи.

Сбоку послышалось: «Это же Михалыч, нам хана!», «Да он вообще зверь! Мне друг рассказывал, как он...». Михалыч стрельнул глазами в говоривших, безошибочно вычисляя своих жертв. Разговоры стихли в тот же миг.

Ого, вот это уровень!

– Товарищи абитуриенты. Возможно, хотя сильно сомневаюсь, – он снова обвел взглядом наш «строй», – кто-то из вас станет офицером. Поступить мало. Как показывает практика, надо еще доучиться.

Вот мне кажется, в этот момент никто в строю не думал, что он шутит. Даже стало понятно, как поступившие недоучиваются. Точнее, из-за кого. Он осмотрел нас, словно сканируя, останавливаясь на несчастном Семен Семеновиче. Я с утра переживала, бубнила себе что-то там про центр внимания. Как же я ошибалась!

Да мне до этого парня как в определенной позе до Китая! Повисла пауза. Да что ж ему так невезет-то! Кажется, даже те ребята в центре ржать перестали. Все ожидали, когда рванет. Все же странное место этот институт. Намного веселее, чем гражданский вуз.

Еще не поступили, а уже страшают по самое не балуйся. Отец говорил, что тут весело, все такие важные ходят, не как в отделе. Что мне тут понравится. Ну, пока я держалась исключительно на морально-волевых и вере в себя и свою мечту стать как папа.

– Приятного аппетита, абитуриенты...

Он еще раз обвел нас, как я уже поняла, своим фирменным взглядом, развернулся и зашагал в корпус, откуда мы пришли, чеканя шаг. Мы же отмерли и по одному из каждой колонны стали в столовую просачиваться.

Одно радовало, мероприятий у нас больше не было сегодня. Поэтому мы спокойно зашли в здание, на первом этаже помыли руки, поднялись на второй, поели, кстати, весьма неплохо.

Я сидела с Аленой. Мы молчали. Еще не перешли ту грань, пока обе смущались и краснели. Стеснялись. Зато многие ребята были другими, активно знакомились, общались.

Семен Семеныча и вовсе позвали сразу к себе парочка высоких плечистых парней. Не то чтобы тот в восторге был, но не отказал. Тихо ел, нехотя отвечая на вопросы.

После обеда нас снова собрали и сказали, что теперь передвигаться между корпусами мы можем только в составе строя. Строем считается все, что больше одного человека. Блеск.

Кое-как дошли до главного корпуса. Его тут называли первым. Я встала в последнюю шеренгу, чтобы ноги не оттоптали. Это было правильное решение!

Товарищ майор с улыбкой пояснил, что ходить нас обязательно научит. Мол, даже если не поступим, то хоть что-то запомнится. Так себе утешение. В итоге нас распустили. Ну как...

Распустили тех, кто живет в городе, а нас построили. Ага. Снова. Человек сорок ребят и я... Оказаться единственной девочкой было странно. Очень! Но папа всегда говорил, что в милицию девочек берут мало, так что советовал привыкать.

Хотя мне сегодня показалось, что среди поступавших едва ли не половина девчонками были. Что-то не сходится! Мы дошагали до четвертого корпуса, где была моя общага. Парни пошли дальше, а меня отпустили.

Поднялась в комнату. Жутко боялась заблудиться без Литвина, но справилась! Товарищ майор подмигнул и позвал на зарядку в семь утра. Он же не серьезно? Зато на вечерний прием пицци лично мне разрешил идти своим ходом.

Ну да, все, что один человек, не строим можно. Я запомнила! Кажется...

Комендантши не было, зато было чистое постельное белье и чайник. До ужина оставалось несколько часов, и я с чистой совестью решила повторить историю. По расписанию, собеседование у меня уже послезавтра...

Сразу после медкомиссии. Признаться, вот ее я боялась больше всего! Потому что для меня это испытание было самым страшным и первым, по сути...

Глава 4. Семен Семеныч

О-оу – пикнула аська, и я поспешил поставить поднос с обедом на стол. Хотел же сесть в другой угол, но вдруг там Марина ответила? Спешно достал телефон, но, увы, это одноклассник из Питера, у них там приемная уже кончилась, и он не смог поступить.

– Семен Семеныч, давай к нам!

Меня окружили трое. Я опасливо покосился на парней, каждый из них был выше и больше меня, шмотки дороже, телефоны в руках навороченной. Знаю я таких, но вступать в конфликт не стал. Хватит с меня на сегодня.

– Можно.

Мы все вчетвером сели за столик. Они тут маленькие были, квадратные. А-ля на четырех, но мы с подносами еле поместились. Стулья старые, черные с потертым кожзамом.

– Я Антон, это Миха, а третий раздолбай Денис. Мы суворовцы. А теперь рассказывай, Семен Семеныч, ты как до такой жизни докатился?

– До какой такой?

Исподлобья посмотрел на них. Пока не поступлю, решил не отвлекаться. Сначала дело, а потом уже все остальное. Успею еще перезнакомиться и друзей завести.

Парни веселились. Небось думают, что я упырь какой, над которым ржать можно. Ну-ну. Сейчас не до самоутверждения.

– Ну как какой, Семеныч! Баянист, видный парень и даже не в стане медалистов! Кстати, в каком кубрике жить будешь?

Я несколько раз моргнул. Этот местный курсантский слэнг лез изо всех щелей, но я ни черта не понимал в нем! Кубрики, чепки, комвзводы... Осторожно переспросил, ибо невежество хуже глупости:

– Где?

Парни заржали, весело переглядываясь. На нас уже косились от других столиков. И девочка та блондинка с жалостью смотрела на меня. Терпеть этого не могу. Ну ей-то, конечно, виднее! Сразу видно, что мазаная.

Отдельно для нее то, отдельно се. Слышал, как секретарь комиссии говорила, что эта Маша по льготам идет и что медалистка еще. Угу, куда ни плюнь, дети местных ментов да пробитые. Но ничего! Я тоже не лыком шит. Поступлю, чего бы мне это ни стоило!

– Семеныч, ну ты как из деревни. Кубрик – это комната. Ты ж тоже неместный. Давай с нами жить? Там вроде можно кто как хочет. Все-таки в самоволки ходить так проще. Мы уже тут у местных все дырки узнали.

– Куда?!

Мое лицо вытянулось. Только этого мне хватало! Но парни ничуть не смутились и заговорщически прошептали:

– Да ладно тебе, Семеныч. Мы уже и клубы местные знаем, и где бухло подешевле взять! Мы же абитуриента, что они нам сделают? Мы еще не поступили и контракт не подписывали, это потом, тью-тью, все закроется, а пока – халява.

– Ага, а потом я вообще с такими самодурками не поступлю!

– Самоволками, Семеныч, самоволками! Так ты ж баянист, чего тебе бояться.

И они втроем заржали. Хорошо, что Симоненко начал всех торопить. Мол, в строй пора и все такое. Товарищ майор меня удивил сегодня, и я надеялся, что если поступлю, то шпынять не станет. Хотя...

Знаю я их всех. В школе тоже было, как на олимпиаду городскую – Семен, как на городском фестивале выступить – Семен, как первоклассников отвести музей школы показать – Семен, как работу на конкурс написать – тоже Семен!

А как дело до раздачи медалей дошло, хоть я всегда учился только на отлично, то сразу: «Прости, Семен, не дотягиваешь!» Ага, а Лизка, дочка директора, дотягивает! Она на химии такой пожар устроила в прошлый раз, смешав не те реактивы.

Или Витька, внук начальницы РАНУ. Тоже медалист, чтоб его. Этот медалист на выпускном набухался как свинья и всем рассказал, какой я идиот, все эти годы на школу пахал, а медали всего две выделили, и обе не по мою душу.

Хватить с меня! Больше никому и ни за что не поверю. Рассчитывать только на себя буду. И подачек мне, не говоря уже о самоходках, не надо!

О-оу – тут же потянулся за стареньким смартфоном. Зато аську поддерживает. И на лице тут же расцвела улыбка. Марина!

– О, Семен Семеныч, у тебя такое лицо, словно пришло сообщение о зачислении и первая стипендия. Ахах!

Парни заржали, но тут мне было, что им ответить. Я гордо задрал голову вверх, а потом сказал:

– Нет, это мне девушка моя написала!

Они едва не поперхнулись, глядя на меня во все глаза. А меня гордость взяла! Выкусите! В этот момент майор еще раз нас окликнул, я пожелал парням приятного аппетита и с гордо поднятой головой пошел вниз.

Дальше кое-как повел строй. Сбивался со счета, шел не с той ноги (хотя кто ж знает, какая та?!), злился на себя, но, сжав зубы, старался. Ничего. Научусь. Я видел в окно, как второй курс шел, все у них получалось нормально.

Мне батя говорил, что можно и медведя танцевать научить, так что справлюсь!

Все городские свалили по домам. Кто побогаче, квартиры снимал, но нас, живущих здесь, тоже много оказалось. И снова пробитая белобрысая. Одна из всех девчонок. Сразу видно – бластная! Злила меня жутко. Еще и жалела... Небось тоже, как Лизка, дочка чья-то.

Она вышла раньше, а нас повели к пятому корпусу. Он дальше всех находился. Сказали, что жить будем на третьем этаже, куда до этого сумки относили. В кубриках.

Слово-то какое смешное. На мою голову я действительно оказался в кубрике с тремя суворовцами, но, кроме этого, еще с шестью парнями. Места было в обрез!

Сказали, потом жить будем по пять, ремонт можно будет сделать. За свой счет, разумеется. Вдесятером с двухэтажными кроватями жуть как неудобно. Да еще...

– А душевые где?

Я вышел с полотенцем, в тапочках и наткнулся на парней в коридоре. Те переглянулись и как заржали. Снова. Позади послышался голос старшего лейтенанта:

– Дома, Семен Семенович, еще в раздевалках возле кафедры физо, но туда лучше не соваться. Ну и баня раз в неделю, в четверг, централизованно.

Я обалдел. Это как мыться-то, не каждый день, что ли? Рискнул задать второй вопрос:

– А машинки стиральные?

Второй взрыв хохота. Это второй курс здесь стоял. Они одни в институте были, все остальные на каникулах. А эти наряды несли за всех. Вот и спустились над абитурой поржать.

– У нас, Семен Семенович, самые лучшие стиральные машинки! Называется ручной полный автомат. Выглядит так: берешь одежду, потом стираешь ее руками, а в сушилке она автоматически сушится.

Теперь уже ржали все. Собрались человек пятнадцать, наверно. И снова на мой личный бенефис. Покраснел от злости, а Глушкевич сказал, но уже строже:

– Ладно, парни, посмеялись и хватит. Семен Семеныч ко мне в кабинет, остальные готовиться к экзаменам и завтрашней медкомиссии. Обезболы не пить, таблетки никакие тоже не жрать. Иначе завтра будете доказывать, что вы не наркоманы. Семеныч, пошли!

Я устало поплелся за заместителем начальника курса. Эх. Все равно поступлю! Мне это очень нужно. И я на многое готов, чтобы добиться своей цели!

«Дорогие читатели)) мы будем знакомиться с разными ребятами)) у них у каждого свои истории, но их будет объединять одно: прекрасная курсантская жизнь, полная любви и приключений)) но не все сразу, особенно любовь))»

Глава 5. Маша

– Ваша фамилия.

– Копылова.

Это какой-то дурдом! С самого утра мне казалось, что я попала в плохую постановку «Ревизорро». После завтрака сразу пошла в медсанчасть, пользуясь тем, что могу быть одной из первых.

Не тут-то было! Это вчера полдня все чинно по построениям ходили. Шеренги там всякие, колонны, а сегодня все прибежали сюда без всякого строя. Еще бы! На такое количество поступающих всего один день выделили.

Нет, я не жаловалась, авось прокатит, но... Первым делом пошла, как все, в самую длинную очередь. Анализы на наркотики. Без их доступа не пускали дальше.

Как только пристроилась, услышана дикий ор:

– Ты дура, я тебя спрашиваю? Какой «Спазмалгон», потерпеть не могла? Как теперь передавать эту хрень?!

Мужчина стоял ко мне спиной, загораживая несколько человек. Я уже знала некоторых. Тут стояли две сестры, парень мстительно-довольного вида во всем черном и... Диана?!

Более того, именно на нее и орал мужчина. Получается, ее что, поймали на наркотиках?! Смотрела во все глаза, пока не услышала вопрос насчет фамилии. Тогда-то пришла в себя. Мда...

Женщина с равнодушным видом делала вид, что не замечает воплей дородного мужчины. Она выдала мне стаканчик и скомандовала:

– Вон там туалет.

Я засеменила в его сторону, бросая робкие взгляды на зареванное лицо девушки. Впрочем, переживала она одна, так как остальным, судя по всему, вообще пофиг было.

Открыла дверь туалета и...

– Вот там можете наполнить стаканчик.

Во все глаза уставилась на женщину, что сидела на табуретке, заполняя какие-то бумаги на коленях. В туалете! В туалете без двери кабинки, да еще и таком... непрезентабельном.

– А вы... Просто...

Я сглотнула. К такому жизнь меня не готовила. Как-то все не очень, получается, она здесь все время сидеть будет? Вдруг она приспустила очки и будничным тоном ответила:

– А я здесь второй час сижу и наблюдаю как хитровыдуманные дети пытаются откосить от теста на наркоту. Рассматривание ваших гениталий мне день не красит, барышня, зато то, как вы пытаетесь юлить...

– И как же?

Делать нечего, сняла штаны, присела. Стыдно было, как Семенычу вчера, наверное. Но я поняла, что тут со мной церемониться не будут. Женщина тем временем продолжала:

– Да где только эту мочу не проносили! И в сапогах, и в шортах, один даже в клизме додумался!

Сделала свое дело, представляя оригинального абитуриента с мочой в клизме. Трясущими руками отставила стаканчик, натягивая штаны.

– И как?

– Да что как, облился, орал тут как потерпевший, мол, все мы тут такие, как он в этот момент.

Мы переглянулись с ней и, не сговариваясь, прыснули. Ну да, такого врагу не пожелаешь! Рассталась с дамочкой на позитивной ноте. Уже когда сдавала анализы – результаты, кстати, мгновенные, выяснилось, что там тесты какие-то чувствительные. Мол, даже обезболивающие

показывают, если накануне пить, на чем большая часть отличившихся и погорела. В том числе и Диана.

Но думать об этом мне было некогда! Врачи понеслись чехардой, приближая меня к главному! Окулист, лор, невролог, психиатр с вопросом, как доехать на поезде до Америки, гинеколог, прости господи. Ее я на всю жизнь запомню.

Прямо передо мной вышла девушка вся в слезах, как она кричала и просила ее не трогать, слышал весь коридор. Неужели можно быть такой бесчеловечной? Что же за врач там такой?

В поезде я поняла какой. Вообще отбитая на всю голову женщина! Я бы таких людей врачами не называла и к людям не пускала! Но как только вышла от нее, стяхивая отвратительные ощущения от грубости, побледнела.

Мне осталось двое! Хирург и терапевт, что сидел с главой ВВК. С богом! Зашла к хирургу. Мне наш местный сразу сказал, что проблемы будут, и тут могут легко отсеять.

И вот меня измерили, посмотрели на рост и вес. Страшно. Мне друзья советовали перед походом воды выпить два литра или положить в карманы что. Но тут меня раздели до белья.

– Три килограмма не дотягиваете до нормы, милочка.

Ну вот, два литра бы не спасли. Ладони вспотели. Я всегда была худенькой, а пока тренировалась, чтобы подтянуть физру, сколько ниела, набрать не смогла. Будь проклят дебильным индекс массы тела.

– Вы же понимаете, что я могу признать вас негодной? Родители тут работают?

– Нет, – совсем скисла я.

Но вдруг, когда я уже собиралась воспользоваться своим секретным средством и надавить на жалость, распахнулась дверь и влетела женщина. Сзади нее показалась просто огромная девушка. Вот у кого с ИМТ проблем точно нет.

– Григорий Павлович! Ну какой нормально! У нее же ожирение второй степени, почти третьей! Как она бегать собралась?! Как я на таком заключении поставлю подпись?! Вы что меня так подставляете?

Мужчина тяжело вздохнул, совершенно спокойным взглядом обвел всех вошедших. Остановился на той самой девушке в самом соку и сказал:

– Людмила Николаевна, да все у нее нормально! Она просто сережку из пупка вынет, и все хорошо будет. Нормальный у нее вес.

Он словно объяснял простую истину неразумному ребенку. Но тут позади обоих раздалось:

– У меня нет никаких сережек, я пупок не колола.

Вот и что было мне делать в этой ситуации? Я закрыла лицо руками, боясь рассмеяться. Нет, это ж надо такое сказать! Кем бы эта барышня ни была, но она явно поступит. Данные, как ни крути, феноменальные.

– На твоей совести, Григорий Павлович! А потом вот таким, – она ткнула в мою сторону, – мест не хватает!

– Хватит! – ответил он, ставя вожделенный допуск и подмигивая мне. – Каждый сам кузнец своего счастья, Людмила Николаевна!

И вот я выхожу из санчасти с карточкой на руках. Карточкой, где проставлены все печати, и мне хочется петь! Я справилась! Не знаю, чье там место займет эта внушительная девушка, но мне она точно помогла!

А с экзаменами я справлюсь, историю нежно люблю и не представляю, как ее завалить можно, а вот физкультуру сдать тоже неплохо должна, я же занималась!

Поэтому со спокойной душой под строгим взглядом не пойми откуда взявшегося Михалыча, продефилировала или, точнее сказать, промаршировала вместе с Аленой колонной из двух человек до столовой.

«Кстати той девочкой, что орала в кабинете гинеколога была я. Я эту женщину на всю жизнь запомнила и за пять лет ни разу больше не приходила на прием. Тогда я научилась посылать врачей))»

Глава 6. Андрей Изворотов

Я проводил взглядом блондиночку. Машу, или как там ее. Пришла посмотреть на нас, видите ли. Светится вся. Еще бы, она реально поступить сюда хочет. Надо же... Я и забыл, что так можно.

– Фух, Андрюха, чего пялишься? Влюбился?

Диана в крутом спортивном костюме подошла ко мне и села рядом на траву. Ну как села, плюхнулась скорее, растекаясь как желешка. Мы с ней были знакомы давно.

Родители когда-то дружили. Потом по службе что-то не поделили, а мы так и продолжили общаться. Раз в год с дняхами поздравляли, а месяц назад встретились на подготовительных и долго ржали.

Нет, у меня без вариантов было, отец даже выбора не давал, куда поступать, а вот чего папаша Дианы ее сюда решил запихнуть, для меня загадка. Я не представлял ее дрящей туалет и исполняющей приказы. Это еще Михалыч до ее ногтей и сережек не добрался.

– Пробежала?

Обсуждать белобрысую не было никакого желания. Милая, симпатичная, но сейчас как-то не до нее. Тем более, может, еще не поступит, хотя по ее счастливому лицу видно другое.

Да вот только пока приказ о зачислении не объявят, зря она радуется. В этом институте возможно все. И тут мой взгляд выхватил у высоких туй спортгородка сначала девицу необъятных размеров, а потом и высокого парня во всем черном. Посланий давно привлек мое внимание, и я гадал, кто он.

– Да, и даже честно на свою пятерку. Стометровка – кайф, шестнадцать секунд и отмутился. Километр мне дается хуже. Даже очкую.

– Не очкуй, Дианка, вон та девчонка, что справа, такая веснушчатая, за три пятнадцать пробежала, но уверена, что пятерку во-о-он той пампушке поставят.

Диана хмыкнула. Слышал, ей тоже досталось из-за теста на наркоту. Только вчера передала анализы. Все чисто. Мне кажется, ее отец неделю теперь на домашней курице и гречке держать будет. Ей полезно.

– А слышал, что случилось у медалистов?

Ее глаза весело сверкнули. Красивая девочка, но мне пока не до отношений. Хотя это было бы забавно. Так выбесить отца. Равнодушно ответил:

– И что же?

– Да там два человека собеседование завалили! Одна кучерявая вообще ничего не смогла сказать про татаро-монгольское иго. Ты можешь себе представить? За что им там в их деревнях медали хоть дают? Чтобы было?

Лениво обвел взглядом бежавших. Мне совсем скоро уже идти, мой забег следующий. Энтузиазма Дианы я не разделял, но головой покивал в нужных местах.

– Очень жаль. Так, ладно, я пошел. Тебе тоже удачи.

Присел в шутовском реверансе, и девушка прыснула. Она волновалась, что было видно невооруженным глазом. Хоть и болтала. Тут так не принято – родителей позорить.

Раз поступаешь, то, конечно, подстрахуют своих, но будь добр не ударить в грязь лицом, чтобы потом не шпыняли. Поэтому я бегал без вопросов три километра за десять минут и подтягивался двадцать раз в правильной технике.

Меня два года гоняли и в снег, и в зной. Зимой на лыжах, летом кроссы по пересеченной местности. И историю с общагой я знал назубок, изложение писал тоже как боженька. Тут я с Белозеровой был согласен: ну уж про татаро-монгольское иго на три не рассказать, это кем надо быть? Хотя какая мне разница.

– Изворотов, Ахундов, Сохин, Васильев, Удобкин, Кормчий, Иванов, Семен Семенович который.

Послышался смех, а вперед и правда вышел напряженный Семеныч. Усмехнулся. Этот парень не пропадет, уже звезда. Главное, чтобы поступил, сразу видно – с таким скучно не будет.

А вот суворовцев трех не любил. Как их там... Антон, Миша и Денис. Уже второму курсу весь мозг вынесли тем, какие они крутые, и им тут надо тупо появиться, мол, после училища льготы.

Льготы льготами, но, будь добр, все нормативы сдай, иначе папаша на физре тебя не спасет. Тут, кстати, после того как поступил, тоже бегать придется. И уж местные физруки из тебя на КМБ душу вытрясут.

– Ну что, Семеныч, готов? Зажжем?

Ох и выпендрейники ж! Это ж надо, так язык развесили, бедному парню и так тяжело, а тут... Покачал головой. Боковым зрением заметил на краю спортгородка отца.

Тот стоял с Михалычем, но не сводил с меня напряженного взгляда. Пришел оценить, не опозорю ли я его. Как всегда. Лично проконтролировать, как его сын выполнит приказ.

– Становитесь на старт! По моему сигналу стартуем. И не жульничать.

Мы подошли к линии. Бежать пятнадцать кругов всего, казалось бы, что такого? Но я бесился. Голова у меня под конец немного кружится обычно. Дурацкие маленькие круги, как хомячок в колесе бегаешь. Отец гонял тут, лично время засекал по вечерам после работы.

У девок проще. Там в принципе всего пять кругов, и, если еще правильно засечь время, гораздо проще. Нет, я не хотел мухлевать, не в моих правилах, но почему-то поднялось возмущение.

– На старт, внимание, марш!

Мы начали забег. Я сразу выбрал комфортный темп, чтобы правильно распределить силы на дистанции, а вот Сема на нервяхах втопил. Вряд ли он звезда легкой атлетики, так что на последних кругах парню придется худо.

Удивительно, но, в отличие от других забегов, что я видел до этого, мы держались на удивление ладно, я даже набрался спелости и осмотрелся. Понятно.

Для суворовцев темп был великоват, они еле пыхтели, но терпели, бросая взгляды на парней вокруг. Я же говорю, выпендрейники. Дохлый кавказец бежал легко, но очень уж был напряжен, видно, что готовился, но нервишки шалят.

А еще один парень мне сразу понравился. Как его там назвали... Сохин? Бежал легко, спокойно, словно ему все пофиг, и бросал обеспокоенные взгляды на Семена впереди. Тоже все понял.

И вот первые пять кругов, шестой, седьмой, восьмой... Семен стал сдавать, как и суворовцы. Они тоже не рассчитали, и видно было, что еле на тройки тянут.

На них-то пофиг, а вот Сему жалко. Я же видел, как он отлично отжался и стометровку передо мной классно пробежал. Слышал, как ему важно поступить. И вот он почти уже поравнялся со мной.

Переглянулись с Сохиным этим. Тот едва заметно кивнул. Я тоже. Не знаю, как нам удалось договориться, и как только Сема встал с нами на одну линию, мы едва заметно его «подцепили».

Он охнул, но поднимаемого нами темпа не сбавил. Мы немного притормозили, но по секундам в четверки спокойно уложились. Отец мне этого не простит, но и пофиг. Не знаю, как там у Сохина, но за себя я уверен.

Отец по-любому боится! Мы поднажали. Сема тоже словил второе дыхание и круга четыре даже успевал без нашей помощи. Я украдкой глянул на Сохина, тот не улыбался, был

сосредоточен. Вот ему пятерка может быть принципиальна, и за три круга до финиша я отчетливо сказал:

– Убегай.

Короткий взгляд, и мы друг друга без слов поняли. Снова. Он поднажал, а я потянул снова сдохшего Сему к финишу. Что самое интересное, на последнем круге тот тоже словил еще один приступ супергеройства, и мы финишировали реально по времени очень близко к пятерке.

Я просто свалился на траву. Несмотря ни на что, мы прибежали сразу после кавказца и Сохина, а потом приплелись злые как черти суворовцы, смотревшие на меня как на идиота. Их мнение было для меня совершенно неважно.

А вот затылок чесался. Не знаю, во что мне выльется эта выходка, но подозреваю, что ни во что хорошее. Отец по-любому будет лютовать, но не это главное. Поднялся и подошел к физрукам.

На секундомере стоял Иваныч, он меня готовил месяц назад на подготовительных, мои способности знал и сейчас смотрел как-то странно. Он на меня, а я на него. Понимаю, все рисковали. Он тоже знал, чей я сын, и...

– Две секунды и была бы четверка, Изворотов и Иванов. Везунчики.

Сказано это было таким тоном, что я сразу понял, не хватило до пятерки там секунд десять, но... Мне не могли поставить четверку, а Сема пошел паровозом. Ну что ж. Иногда от «блатных» бывает польза.

Сзади раздалось пораженное:

– Спасибо, парни, я...

Развернулся к нему и подмигнул:

– На баяне нам сыграешь, если поступишь, Семен Семеныч.

Глава 7. Маша

Нас построили на большом плацу. Теперь я знаю, что это центральное место всего института. Есть еще малый плац, как раз перед столовой и медчастью, но он в разы меньше.

Курсовые с факультета следователей и факультета гаишников пытались создать из нас строй, но в итоге все было гораздо хуже, чем даже можно представить. Ребята успели перезнакомиться, все гудели и галдели.

И как они потом нас будут в аккуратные коробочки засовывать? Кто его знает. В любом случае лишь бы поступить! Милейшая женщина из приемной комиссии сказала, что мне с моими льготами и результатами экзаменов не о чем беспокоиться.

Но я все равно нервничала. Пока не увижу себя в списках... Хотя сказали, что сюда позвали только тех, кто поступил. Мол, все красиво сделать хотят. Эх-х-х... Скорее бы.

– Маш, я так волнуюсь! Тем более тут, говорят, даже отличника какого-то завалили.

Кивнула. Слышала, девчонки, те две сестры, обсуждали, что какого-то ботаника-медалиста сначала на истории мучали, а потом и после нее на физо. Я сама видела, как экзамен у них проходил. Жуть... И парня этого помню.

Мы с девочками бежали по пять человек всего, и как-то было иначе. Нам повезло, и наш экзамен поставили на два дня раньше. Не могу сказать, что все легко пробежала и сдала, но все же на пятерки.

А вот остальные физру сдавали в самую жару, когда на улице было под тридцать градусов. Да еще и в обед. А на спортгородке даже тени нет, ни сесть, ни прилечь на травку.

– Слышала, Ален, ты не переживай, мне сказали, что все здесь присутствующие поступить должны.

Надеюсь, я права. Все же не хотелось бы ее расстраивать, но пока девушка прям сильно расслабилась. Мы с ней стояли в самом конце, немного в сторонке.

В гущу событий я не лезла, да и не хотелось совершенно. Устала немного. Все же на новом месте спалось не очень, все время хотелось есть. Потому что в магазине я сэкономила. Очень переживала и всерьез рассчитывала на первую стипендию.

Признаться, ради стипендии многие шли именно в институты МВД. Курсантам тут сразу деньги платят и не тысячу сто повышенную, а четыре с половиной. Это очень большие деньги!

И пусть я потеряю часть льгот и пособий, но все равно рассчитываю, что смогу потом получить и повышенные квартальные премии. Мне секретарь приемной комиссии все рассказала. Спасибо ей большое!

– Итак, товарищи абитуриенты, поздравляем вас с окончанием отбора. Вы достойно показали себя на вступительных испытаниях, и теперь мы огласим список всех, кто зачислен в наш юридический институт МВД России. Чью фамилию называем, мы сразу говорим номер группы. Просьба проходить. Начнем с факультета госавтоинспекции. Группа...

Ну да. Начать с конца было очень весело. Тем более что я поступала на факультет следователей. Мы с Аленой на нервах даже за руки взялись. Но тут откуда ни возьмись появилась Диана:

– Девчат, вы что такие нервные? Прекращайте это. Все у нас хорошо будет, я узнавала!

Она подмигнула нам, а меня сейчас больше всего на свете бесило, что я не слышу из-за ее болтовни фамилий. Вдруг свою пропущу?

– Ты не могла бы немного потише?

Алена хоть и боялась, но все же нашла в себе силы попросить. Она вытягивала голову и уже собиралась пойти вперед. Кстати, явно первая шеренга или колонна, я их путаю жутко, стала шире. Народ повалил к нарисованной прямо на асфальте белой линии. Поближе.

– Да, Диан, не парься. Это ж ботанички. Сейчас услышат свои фамилии и успокоятся. Не мешай им наслаждаться последними минутами свободы.

Это, кажется, Вика вышла. Я их с сестрой путала. У них разница была всего в год, но девочки учились вместе. И поступали тоже. Обе меня начинали раздражать до зубовного скрежета своей заносчивостью.

Алена реально потянула меня вперед, и в этот момент среди фамилий сделали паузу. А потом громогласно сказали:

– Волобуева Вероника здесь есть?

Мы как по команде обернулись на девчонок. Да ничего себе. А как же второй факультет для идиотов? Это вроде не сестры говорили, хотя я уже запуталась во всем этом. Но они точно так думали. Над плацом раздалось раздраженное:

– ВОЛОБУЕВА ВЕРОНИКА!

– Да иди ты! Потом разберешься!

Диана послала мне извиняющийся взгляд, а сама подтолкнула обалдевшую девушку вперед. Из стана парней донеслось:

– Что такое, Ника, не царское это дело, палкой на перекрестке махать?

– Это твой шанс, Волобуева! Поднять престиж дорожно-патрульной службы!

– Вика, догоняй сестру!

Ого, а девчонки уже успели снискать славу в местных рядах. Народ откровенно веселился, а я что-то стояла в полнейшей растерянности. Хотя мне-то какая разница, наоборот, радоваться должна. Ведь не учиться с этими...

Да вот только имя второй сестры так и не назвали. Алена ушла вперед одна, а я так и зависла посреди строя. Просто смотрела, как все пять групп второго факультета набрали и теперь мужчина в очках на трибуне объявлял тех, кто поступил на первый факультет.

Ничего себе. Это получается, что сестер даже по факультетам разным раскидали? Не смотрела назад. Но уже начинала догонять, что просто не будет. Они тоже не простые, чьи-то дочки. Как их разделили-то?

Но совсем скоро это перестало быть для меня проблемой. Я бы даже сказала, что совсем вылетело из головы. Потому на первом факультете было всего три группы, и третья уже стояла с краю, полностью сформированная.

Набирали вторую. Имена звучали одно за другим, и парни с девчонками шли вперед через весь плац. Кто-то вырядился в костюмы, кто-то в мини, кто-то вообще в спортивке пришел, но главное – они шли туда, а моей фамилии все не звучало.

И вот нас осталось человек двадцать пять. Начали называть всех, кто учится в первой группе следственного факультета. Я нервно сглотнула.

– Семен Семеныч!

По строю прокатился не просто гогот, откровенный ржач, а мужчина в очках лукаво добавил:

– Иванов!

Вот так первым в группе стал всем известный баянист. Он за эти дни как-то изменился, что ли, волком смотреть перестал. Может, сказал ему кто?

– Изворотов Андрей, Сохин Макар, Виктория Волобуева, Диана Белозерова, Антон Васильев, Анастасия Маркевиченко, Рустем Ахундов, Олег Макаров...

Он называл и называл, а я приросла к месту. Вокруг оставалось катастрофически мало людей, и я наполнилась ужасом до краев. Нет, нет, нет! Я не могу пролететь!

Тем временем вперед пошла Алена со счастливой улыбкой, еще какой-то парень, и мы остались втроем, а мужчина в очках предательски замолчал.

Трое! Нас стояло на огромном плацу всего трое. Бледный парень-отличник, про которого все говорили, и кудрявая девица, что не знала про татаро-монгольское иго. И я. Все три медалиста.

– Так-так, судя по всему, ошибочка вышла. Еще Мария Копылова, но на этом все.

Мужчина развел руками, а я как в тумане сделала шаг вперед. Не видя лиц, не видя никого, я просто позорно разревелась. Едва не побежала вперед, но сдержалась. А вот та парочка так и осталась стоять.

Парень, что мечтал поступить, очень умный, начитанный, что все помогал на собеседовании успокоиться, а сам был закидан вопросами, и девушка, что призналась, что приехала сюда, потому что отец заставил, и очень рада, что ей поставили два балла.

А я, Копылова Маша, пошла дальше, навстречу пяти волшебным годам в курсантских погонах.

Глава 8. Настя Маркевиченко

– Давай, заходи сюда скорее, пока все нормальные размеры не разобрали!

– Ну мам, а вдруг ребята увидят! Потом судачить будут!

Здравствуйте, я Настя Маркевиченко и я неудачница. Надо же было мне согласиться на уговоры отца и поступить в юридический институт МВД, где работает мать!

И не просто работает, а едва ли не сразу из института! Точнее, тут она еще школу милиции оканчивала, потом осталась и теперь возглавляет отдел снабжения какой-то фирмой. Уважаемая личность, короче.

Больших погон ей это не принесло, но зато дома всегда канцелярка в достатке имелась. Вот папа у меня полковник, заместитель начальника УВД по области, так что вопрос моего поступления был делом техники.

Нет, конечно, с меня семь шкур содрали. Все же не дай бог опозорю славную фамилию Маркевиченко! Или Макавиченко, или Макаренко, или Макарова. Интересно, какие варианты придумают здесь? Вечно же неправильно произносят.

– Пошли, вас с какого-то перепугу после второго факультета одевать поставили, там вообще размеров не будет нормальных. Хочешь, чтобы я потратила ползарплаты, ушивая тебе форму? Да и когда! Вам послезавтра уже на смотр перед Михалычем. Там даже я не спасу. Де-во-чки!

Мы спустились в какие-то катакомбы. Голос матери разнесся по странным коридорам, и мы повернули направо. М-да. Мое врожденное королевское спокойствие давало трещину.

Я-то наивно полагала, что учиться пришла, а оказывается, служить! Елки-палки, вот это подстава!

– Вера, Рита, оденьте мою звезду, пока еще есть во что.

– Что-то вы поздно пришли, Вероника Станиславовна, вон, Изворотов и Волобуевы своих одели уже. Не говоря уже о...

Но мать сверкнула глазами в этих теток-болтушек, и те прикусили языки. Но мне стало легче. Чай, знакомые теперь фамилии, и я явно тут не самая блатная.

Дальше начался тихий ужас. На стол опустилась форма: полевка, сделанная словно в подвалах на китайских машинках, полушерстяные брюки, юбка и куртка на замке. БОГАТСТВО!

– Заходи в примерочную, давай надевай.

Слушаюсь и повинуюсь. От этого полушерстяного ужаса чесалось все. Как в этом ходить-то?! Но выбора особо не было, мать моя вечная скряга, наученная смотреть за вещами, и я могу не надеяться на индивидуальный пошив.

Вот такие пироги. С кузнечиками. Так отец говорить любил. Надела юбку. Та оказалась мне не по росту. Комком собралась на заднице и едва доставала до колена. Все-таки девочка я была немаленькая.

– Отлично села, забирайте.

Вы издеваетесь?! Что же тогда значит плохо села для этих богинь подиумов? Я закатила глаза, а мать на меня строго посмотрела, мол, молчи и не позорь меня.

На что я подписалась? Это теперь пять лет язык за зубами держать?! Я реально начинала беситься. Искренне не понимала, как потом себя вести, если уже сейчас такие требования.

– Так, а теперь туфли и сапоги. Сапоги, между прочим, последние тридцать восьмого размера.

– А остальным как?

– Или ждать, или в магазине искать похожие. Но вам все равно ничего, кроме берцев, не понадобится на первом курсе.

И потом после сапог она вытащила ЭТО. Берцы. Елки-палки, это что за говнодавы? С ужасом взяла похожие на сапоги моего дедушки, оставшиеся после войны.

– Я это не надену.

– Настя, молчи, дома поговорим!

Тети на выдаче сего наряда от кутюр смотрели на меня прищурившись. Словно я тут выпендриваюсь, а мне великий блат предлагают. Неблагодарная. Так и хотелось спросить: а как на мозги мои все это влияет или на успеваемость?

Вершиной всего этого кошмара был бушлат. Это такой а-ля зимний пуховик. Я в нем утонула! Огромный, несуразный, еще и тяжеленный! Шапка-ушанка, елки-палки!

Нет, я не раз видела отца и мать в форме, но на них это смотрелось нормально. У папы вообще были кожаные куртки и каракуль модный на воротнике и шапке.

А то, что выдали мне, это кошмар же! Но даже не это меня добило. А то, что сверху всей одежды, обуви, которая была словно из дерева сделана, насыпали каких-то нашивок, пуговиц, букв «К».

– Не потеряй, а то в военторг идти придется, тут строго все на обмундирование. Смотри дырок лишних не наделай, ну, это тебе мать покажет.

– Ой, девчат, да я ни разу в жизни сама ни шевроны не пришивала, ни звезды ни ставила, да и мужу тоже. Тут мы Насте не помощники.

Я жалобно уставилась на тетю, но те лишь развели руками, указав на памятку. Я пошагала к ней. Ничего себе! Да тут каждая закорючка на своем месте соответственно размеру должна быть. Ужас какой.

– Вот еще погоны возьми, между прочим, последняя пара четырнадцатых, остальным только пятнадцатые и выше остались.

– А?

Что за абракадабра?! О чем она вообще? А потом мне выдали два погона. Длиннющих. Сзади была написана цифра четырнадцать. Догадалась, что речь о длине.

Бла-а-ат! Погоны четырнадцатые. Гордись, Настюха. Если б мать здесь не работала...

– Можешь пуговицу пришить какую, или еще ребята зубочистки вставляют сзади, можно еще в военторге специальные железные купить держатели.

– Еще чего! Деньги тратить.

Мать шустро помогла собрать мои новые милицейские богатства. Мы торопились, так как скоро должны был подойти другие ребята. Ну, по ее словам.

– Ой, а загорелая такая! Успели где после зачисления отдохнуть?

– Да мы в Турцию на недельку съездили, я Насте обещала, а тут еще и у мужа отпуск получился... Настя, на ключи и иди давай ко мне в кабинет. Перетаскивай форму.

Ну блеск просто. Я бы сказала, что мать меня кинула с коробками выше носа. Приятного мало, но я пошла дальше. Низкие потолки не способствовали углу обзора, и в итоге на подъеме из подвала я налетела на кого-то.

Вместе мы ойкнули, чертыхнулись, и я, конечно же, уронила все добро. Разумеется, насыпанная сверху мелочевка разлетелась по сторонам. Я услышала извиняющуюся:

– Прости меня! Я, пока искала, где тут вход, тебя не заметила!

На меня смотрели голубые глаза Маши Копыловой. Я знала, что она тут жила и никуда не уезжала. Мать рассказала. А еще рассказала кое-что по девушку, почему блатной ее больше не считала. Но мать просила держать язык за зубами.

– Да ничего, Маш, придется за это заставить тебя сесть со мной за одну парту на лекции.

– Ой, это я с радостью.

Она улыбнулась. И мы, не сговариваясь, принялись с ней собирать вещи. Хорошо, что больше никого рядом не было. Курсанты, говорят, все приедут чуть позже. Сразу после нашего, судя по всему, позорного смотря.

– А ты из вещевой идешь? Покажешь, где это? Хочешь я тебе помогу донести пока коробки, тебе куда?

Она искренне желала помочь, а мне почему-то не хотелось, чтобы она знала, что я в кабинет к матери шла. Но я не успела ответить, как из подвала поднялась мама. Она окинула нас взглядом и уже собиралась что-то сказать, как наткнулась на мой предупреждающий взгляд. Я ответила:

– Добрый день, Маша, тебе вниз и направо по коридору до конца, там увидишь двух женщин, беги скорее, пока очереди нет.

Она улыбнулась и побежала, а как только ее белобрысая макушка скрылась, мать сказала:

– Шифроваться собралась? Да у вас в группе куда ни плюнь одни дети сотрудников. Поверь, ты не самая блатная. Пошли, помогу донести.

– Мам, а может, ты лучше спустишься и ей поможешь? А?

Я посмотрела ей в глаза. Прямо. Потому что не видела ничего такого, и ей это правда бы ничего не стоило. А Маша молодец, ей поддержка будет не лишней.

Мама покачала головой и тяжело вздохнула, а потом бросила мне, разворачиваясь в сторону подвала:

– Добрая ты у меня, Настька, но дура дурой.

Глава 9. Диана

«А могла бы сейчас спокойно шмотки покупать для первого сентября, косметичку обновить, в Москву на скидки смотаться».

Я стояла среди остальных человек ста пятидесяти, на огромном плацу, в странной форме. В восемь утра! На кой нас здесь собрали так рано?! Тоже мне, фанатики. И что не спится?! Пришлось такси брать, потому что отец отказался вставать и везти меня.

Мол, теперь я взрослая девочка и вообще ему к девяти. И, в принципе, ему к девяти, а мне к восьми надо будет ездить, а когда и раньше. На что я подписалась? И все потому, что отец пригрозил лишить меня денег.

Дальше содержать любимую дочь в таких объемах он не будет. Поэтому... Поэтому, блин, юридический институт МВД России. Он предложил любой вуз вообще, но... Ага, где я и где съемные хаты или общаги. Ну уж нет!

Еще же и готовить самой придется. И счета оплачивать. Экономить, прости господи! Как там мамочка моя говорит... Не для того ягодку растили. Вот я с ней абсолютно согласна.

Поэтому выбора для меня как такового не стояло. А еще я искренне надеялась, что с папой, работающим здесь, смогу себе выбивать преференции. Ну, там с пар сваливать... Что тут еще можно получить из плюшек?

И вот я стою в шеренге. Сбоку приближается, как вестник апокалипсиса, Михалыч. Я его побаиваюсь, хотя вообще не знаю тех, кто не боится эту армейскую гору. Даже отец строго-настрого запретил с ним залупаться. Ну, то есть спорить.

Скосила взгляд вбок. От меня справа стоял этот баянист, Семен Семеныч. Это было жалкое зрелище. Красный как рак, но с гордо поднятой головой. Мол, еж – птица гордая...

Глядя на него, я понимала, как мне повезло, что отец успел меня одеть чуть ли не раньше всех, да еще и подшить мой новый гардероб времени хватило. Потому что я едва ли не одна во всем строю стояла как с иголочки. Ну не считая Изворотова. Да только тот вообще псих по части аккуратности и устава. Точнее, не он, а его отец.

У меня же полевка сидела прилично, насколько это вообще возможно с таким отвратным кроєм, кепка была по размеру и вместо жутких берцев, что нам здесь выдавали, на ногах были модные легкие ботинки, что из Москвы привезли. А вообще жесьть, конечно!

Отец настаивал, чтобы на смотр я уставные надела, мол, мало ли, Михалыч домахается, но я в тех вообще ходить не могла! Да они целый пуд весили! Сбоку раздалось посапывание. Мне этого Сему жалко стало... Хотя мне такие чувства обычно несвойственны.

Ему не повезло. Он получал форму последним, и ему досталось нечто размеров на пять больше. Штаны он подвернул, рукава тоже, но смотрелось просто ужасно.

Мне кажется, в его форму можно было засунуть пять Семенычей, и баян бы еще влез. Голова утопала в кепке огромного размера. Хорошо хоть, берцы были нормальные. Но тут парню повезло, ибо нога у него была не самая большая, а модель уставной обуви на ближайшие два года и для девочек, и для мальчиков одинаковая.

– Фамилия, товарищ курсант.

Вздрыгнула. Я прокручивала в голове, что можно же отца попросить помочь. Ну что правда, не ходить же парню год целый в таком виде?! Да только, пока я думала, Михалыч добрался до меня.

У меня ком в горле застрял. Жесьть!

Сбоку стоял какой-то мой новый однокурсник, бледный как альпийские снега, справа от него еле сдерживала слезы Маша. Еще бы, она додумалась без шевронов прийти. Это такие нашивки на рукава сбоку. На одной флаг России, на другой эмблема учебных заведений МВД.

Вот без них служба вообще никак невозможна. А то... Ну по-любому случится что-то страшное. Как с Копыловой, например.

Придет страшный Михалыч и покарает за отсутствие шевронов. Правда, на самом деле... Хз зачем они, но ПОЛОЖЕНО. И вот, судя по всему, сейчас у меня тоже найдется парочка таких «положено». Сглотнула. Полковник начинал терять терпение.

– Белозерова.

Глаза Михалыча сузились. Мать моя женщина, да тут все знают, что к детям сотрудников особый спрос у него. Из принципа. Это как игрушка, из обезьяны человека сделать, то есть хорошего качественного курсанта.

– Курсант Белозерова, а что у вас с ушами?

Я икнула, судорожно соображая, где накосячила. Вроде все норм, обычные сережки-лепестки, не кричащие, чуть свисающие с мочек ушей. В остальном я была реально крутой! Да отец лично две ночи мне с линейкой все эти пуговицы и буквы к погонам пришивал!

Возле Михалыча стоял хмурый майор Симоненко. Пока ему люлей давать было не за что, но имелось ощущение, что Михайлов ему авансом уже прописал.

– Прошу прощения, товарищ полковник, вроде все нормально.

Голос у меня был, словно я писать хочу очень. Писклявый такой, трусливый. Да, я Белозерова Диана, и я трусиха! Но ведь есть от чего... Тем временем Михалыч наклонился ко мне, принялся.

Блин, блин, блин! Духи, что ли, тоже нельзя? Чего отец не сказал-то? Надо было берцы уставные надеть все же, вот какого лешего я не согласилась. У-у-у! Дура!

– Курсант Белозерова, скажите, а вы зачем поступили в институт?

Вот я тоже сейчас задавалась этим же вопросом! Да я с таким руководством всю стипендию буду не на шмотки спускать, а на «Новопассит». Мне потом этот смотр будет ночами сниться страшными. В кошмарах! Выдавила из себя жалкое:

– Учиться.

– А мне кажется, хвостом крутить! Это что за внешний вид, товарищ курсант? Серьги снять, волосы в порядок привести! На ногах не пойми что надето! Где купили? Завтра мне чек из военторга, подтверждающий, что это уставная обувь, а пока три наряда вне очереди на КПП!

У меня губа нижняя задрожала. Вроде не орал, но так еще со мной никто не разговаривал. Реально по Михалычу было видно, что он тут со своими криками смотрелся органичнее, чем Путин в роли президента.

– Товарищ майор! – рявкнул он.

Мне показалось, что у Симоненко даже сочувствие промелькнуло. Но ненадолго. Он взял блокнот и методично записал, приговаривая:

– Белозерова, три наряда вне очереди на КПП.

Судя по тому, что это уже была третья страница блокнота, у меня будет офигенная компания. Тот момент, когда еще только двадцать восьмое августа, еще пары не начались, а у нас такая прелесть. Вне очереди, так сказать.

Михалыч одарил меня взглядом, полным презрения, и пошел дальше. Ну как пошел, скорее споткнулся взглядом о тщедушного Семеныча.

– Господи, боже мой, это что еще за чудо стоит. Я даже фамилию спрашивать вашу боюсь, товарищ курсант. Это что за внешний вид такой?!

Сема стал красным как рак. Вокруг все стихло. Но этот баянист меня снова удивил. Гордо голову задрал и реально командирским голосом отрапортовал:

– Курсант Иванов, товарищ полковник. Такой размер выдали. К тому моменту, как подошла моя очередь, ничего другого уже не было. Еще не досчитался рубашки и комплекта шевронов. Обещаю исправиться.

О, у нас в стане еще один бессмертный. Михалыч же был зол. Сему стало жалко. Снова, но я не могла не порадоваться, что от меня отстали.

– Симоненко, после смотра ко мне с этим... Несчастливым. Буду профбеседу проводить.

Симоненко нахмурился, а у меня в голове в кои-то веки зазвенели колокола. Справедливости. Нет, я, конечно, та еще стерва, но тут блин перебор. Парень чем виноват, если ему не выдали? Жесть! Там еще сверху десять нарядов прилетело. За что?!

После Семеныча пошел Сохин. Они вроде как с Изворотовым сдружились. У парня тоже шевронов не было. Точнее, были, но местами перепутанные, что тоже грех, походу. Смертный. От грехов избавляться Сохин будет наверняка в нарядах. Угу, вне очереди. Что ж новый друг ему подсказать не мог, куда что шьется? Двойка тебе, Изворотлв. Ай-яй! Отчего-то этот парень бесил меня до зубовного скрежета.

Он еще и бессмертным оказался. Тоже. Заявил Михалычу, что, видите, ли без понятия куда эти нашивки лепить. Вообще дурак, что ли? Ну ходи теперь, дурак, в наряды вне очереди. Я так и думала. Аж двадцать четыре штуки! Офигеть...

Весь строй притих. И последний наряд с тридцать первого на первое. Под елочку подарочек, а Михалыч как Дед Мороз на минималках. Вот засада, это Сохин в отпуск на три дня позже, по идее, уехать должен. Он же неместный вроде... Жесть! Парень этот отбитый на всю голову! Куда лез, спрашивается?

Короче, я не представляю, что будет дальше, если сейчас нам такое устраивают. Надеюсь, хотя бы первое сентября нормальное сделают. А отцу выскажу. Что про серьги не предупредил-то?! И прическу какую тут сделать надо? Укладку, что ли?

«Это был волшебный смотр)) Я до сих пор помню эти наряды вне очереди, когда последний в новогоднюю ночь))»

Глава 10. Макар Сохин

– Вот ваш кубрик, располагайтесь. Здесь будут жить: Изворотов, Сохин, Иванов, Семен Семеныч, который...

Глушкевич знал толк в троллинге. Хотя, как я понял, у них тут едва ли не каждый начальник считает своим истинным долгом пройтись по нашему баянисту. Звезда, фига...

– Так, еще к вам пусть идет Ахундов и Васильев.

Я напрягся. Андрюхи еще не было, его отец задержал для дачи, вне сомнения, очень важных указаний, как не облажаться и не опозорить славное имя Изворотовых. Про себя я усмехался.

Надо же среди всех местных парней выбрать себе в друзья человека, попавшего в ту же ситуацию, от которой я сбежал. Забавно. И все бы ничего, но вот последние две фамилии в нашей комнате вызывали сомнения. Причем сильные.

Один полудикий дагестанец, второй крыса суворовская. Надо же, святую троицу разделили. Одного вообще к гаишникам отправили, второго в третью группу, а третий достался нам. На дачу.

Васильев покосился на меня с опаской, Ахундов нахмурился. И если последний хмурился, в принципе, перманентно, то суворовец понимал, что жареным пахнет.

– Давайте, принцессы, скоро вас научим кантики на кровати по уставу делать.

Мне иногда казалось, что тут по уставу даже на туалет садиться надо. С достоинством и отдавая честь. Судя по всему, я был недалеко от истины.

– Кстати, Сохин, зайди к начальнику курса после ужина. Дело есть к тебе.

Да что они ко мне привязались. Один раз баянисту помог, и все, теперь каждый из начальствующего состава считал своим долгом меня к чему-то привлекать. То еще удовольствие.

Я приехал сюда учиться, сбежал от родителей из Уренгоя не для того, чтобы мне нашли занятие. Просто ментовка едва ли не единственный способ стать самостоятельным.

Три года казармы, не надо платить за жилье, кормят, одевают, стипендия по сравнению с гражданским вузом огромная. Я знаю, о чем говорю, два года за партой отсидел на филфаке.

Поэтому смотрел на этих парней и девчонок несколько охреневше. Ибо тот детский сад, что они разводили, бесил до зубовного скрежета. Хотя это было до того момента, как я познакомился с жизнью по уставу.

Признаюсь, в этот раз внутри поселился червячок сомнения, правильно ли я сделал, что оставил позади все: дом, семью, друзей, любовь... При мысли о последнем светло скулы.

– Макар, ты какую кровать выбираешь?

Я замер. На меня смотрели три пары глаз. Андрюха так и не подошел. Я пожал плечами. Не скажу, что было неприятно. Парни, не сговариваясь, признали во мне лидера? Нах мне такая честь сдалась?

Но кровать выбрал. Первую к шкафу, потому что она показалась мне не такой раздолбанной. Не двухэтажные железные койки с растянутой сеткой и ладно. Как говорится, чем богаты, тем и рады.

У каждой кровати стояла тумбочка, а на противоположной от окна стене два шкафа. Так сказать, делитесь, как хотите, парни. Именно поэтому возникло неловкое молчание.

Мне специально таких подбирали ребят, что язык в заднице, и они смотрят глазами олененка? Хотя нет. Ахундов просто, небось, прирезать пытается в уме, а Васильев опасается. Правильно опасается. Я их самоходки прикрывать не намерен.

– Располагайтесь, чего встали? Нам еще три года вместе тут жить. Смелее.

Васильев пошел к шкафу первым. Видно было, что парни никогда одни не жили и существовать в отрыве от сиськи мамки им в новинку. Но ничего. Их ждет много всего интересного.

– Мне кровать оставили?

Наконец-то зашел Андрюха. Хороший парень, хоть я и не понимал, чего он тут делает. Черт, да я сам не понимал, что тут делаю.

– Конечно, выбрай любую, кроме этой.

Это Васильев сказал, между прочим. Сема молчал. Прикольный он, думаю, звание Косяк Года с ним надолго. Но ничего, с баяном не пропадет. Он обмолвился, что к нему уже местный дирижер подходил. В ансамбль институтской песни и пляски звал. Точнее, в оркестр.

– А вы что, стесняетесь? Нам пять лет вместе жить, парни, давайте знакомиться.

Добродушная душа, но сразу вижу, что отец мозг подвынес. Конкретно так. Я уже за эту неделю по его лицу определять научился. Тем временем парни все мялись, а Андрюха, просто махнув рукой, бросил рюкзак на соседнюю со мной кровать.

Семен тут же подошел к той, что возле второго шкафа, дагестанец присел рядом с Андреем, а Васильев стоял и хлопал глазами, пока ребята выбирали. Так и хотелось сказать ему, что в большой семье не щелкай клювом.

Вроде разложились, потом попробовали пообщаться, но нас собрали в общую комнату воспитательной работы, или, как мы говорили, ОВР. Там началось мозговывоносительство. Если б я только знал, что это лишь начало...

– Я слышал, что вы уже пообщались со вторым курсом. Так вот: забудьте про дырки, про самоходки, самокрутки и самодурки. Все, кто считает себя умнее других, учтите: где вы учились, мы преподавали. Это понятно?

– Так точно!

Хор голосов уже был отработан. Такими темпами наш курс скоро станет образцово показательным. В принципе, как я погляжу, нам повезло. По сравнению с пельмешком, что брызгал слюной на второй факультет, наши Борисыч и Палыч, которым за глаза мы уже дали прозвища Симон и Груша, были очень даже ничего. Вроде нормальные мужики

– Завтра у вас появятся командиры взвода, они будут помогать вам. С ними пойдете на занятия, а потом будете бегать на КМБ (курс молодого бойца). Они же будут смотреть за вами, ну и мы с Романом Борисовичем, конечно же.

Начкурс сверкнул глазами, словно проверяя нас на вшивость. Я сидел спокойно, сосредоточенно смотрел перед собой, а вот впечатлительные еще вчера школьники испуганно жались на деревянных стульях.

Старые парты на одного человека, составленные попарно, где даже ногу за ногу не положишь, жалюзи потрепанные, словно их грыз кто-то. Ну и, конечно же, символика нашей страны, а еще выдержки из законов. Я их уже изучил и не нашел ничего интересного.

– А теперь пошли строиться.

Послушались. Вообще, тут из нас буквально вылепляли послушных, думающих по указке. Да, за пару дней всего. Может, другим незаметно, но я видал, как два дня назад все вели себя на смотре. Весело было. Даже несмотря на кучу нарядов вне очереди.

Мы вышли из корпуса и пошли на плац. Там в коробку построились, пошли строем до столовой. Зашли, и я взял поднос на раздаче. Кормили здесь неплохо, кстати. Я ожидал худшего.

– Макар, что-то вкус странный какой-то. Я это жрать не буду.

Посмотрел на Андрюху. Тому явно переход с домашней пищи давался непросто. Он поморщился и, попробовав чай, отставил поднос в сторону. А вот Сема рядом наворачивал за милую душу. Вот кто не питал иллюзий и, как и я, денег тратить не хотел на жарчку.

Ладно, в конце первой недели клятвенно обещал заказать себе пиццу. Тут можно на самом краю на угол попросить доставить без палева. Там камеры нет. Ребята со второго курса подсказали.

Но потом я попробовал плов со свиной и понял, что Андрюха прав. Вкус странный. Гадость какая. Отодвинул еду в сторону.

– Думал, я выпендриваюсь?

Андрюха улыбнулся, а я лишь пожал плечами. Думал, но вслух произносить не стал. Как говорится... Мы не настолько хорошо еще друг друга знали. Мало ли, обидится.

В итоге кажется, из всего курса одни мы есть не стали. Ну, еще пара ребят из второй группы. Спать на голодный желудок то еще занятие, но в магазин здесь просто так не выпускают.

Строем пошли обратно. Я уже было собирался пойти разобрать вещи и попробовать их постирать, как...

– Сохин, забыл, что ли, тебя Симон вызывал. Дуй давай.

– Спасибо, – сквозь зубы ответил я.

Кабинет начкурса был вначале длинного коридора. Там воняло куревом и одеколоном. Запах из детства, поэтому мне было пофиг. Девки жмурились и фыркали, а у меня эти ароматы ассоциировались с дедом и деревней.

– Товарищ майор.

Зашел как полагается, так сказать, по форме. Это ему сразу понравилось. Мужик осмотрел меня и просто огорошил:

– Старшиной будешь, Сохин.

– Нет.

Ответ вырвался у меня раньше, чем я успел подумать. Хотя постойте... Я подумал. Все равно нет. Нах мне такая честь.

– Я не спрашивал.

Борьба взглядов, и я ее с достоинством выдержал.

– Нет, товарищ майор.

– Да, товарищ курсант. Хотя давай сделаем Васильева, он же суворовец. Через сколько, думаешь, он тебя в наряды только по выходным начнет ставить?

Скрипнул зубами. Он издевается? Я, конечно, понимал, что наше начальство не лыком шито, но, чтобы настолько...

– Товарищ майор, там Семенычу плохо!

От ответа меня избавил влетевший в кабинет без стука Васильев. Помяни говно...

– Я разве разрешал заходить, товарищ...

Договорить он не успел. В коридоре поднялся шум. Я подорвался первым и, когда вышел в коридор, понял, что это триндец. Полный. Потому что пара парней мчались в туалет, зажимая рты, еще трое – задницы.

Походу, обучение начинается!

Глава 11. Маша

Боже! Что за вонь? Мне показалось, что я зашла к тете Люсе в свинарник. По крайней мере, запах был ровно такой же. Зажала нос руками, вглядываясь в длинный коридор.

Тут одна из дверей кубрика отворилась, и из нее выбежал бледный парень. Я еще не успела всех выучить, поэтому просто без всякого приветствия наблюдала, как он торопится в сторону туалета.

Что тут случилось? Дневального не было, хотя Симоненко вчера назначил первые наряды. У парней их оказалось довольно много, а девочки должны были ходить только в столовую и на КПП, но пока нас туда еще не отправляли.

А вот на суточный наряд на курс трое человек заступило сразу. Один из них должен был всегда находиться на посту дневального – это такой порожек прямо напротив входа с флагом и телефоном. Но сейчас он пустовал.

– О, Мария Егоровна, заходите, располагайтесь. Советую в ОВР идти, там окна открываются.

Из кабинета начкурса вышел уставший Глушкевич. Я хотела было узнать, что случилось, но в этот момент услышана не самые приятные звуки из туалета. Те самые.

Не такой музыки я ожидала первого сентября. Ох не такой!

Прошла в ОВР и сиротливо пристроилась возле окна на второй парте. Тут все было отделано деревом, и на полу лежал паркет. Преподавательская парта располагалась на возвышении посередине. Некоторые уже переживали по этому поводу, мол, списывать будет неудобно.

– Фу, а что случилось-то?

Первой в класс зашла Вика Волобуева. Она руками зажимала нос, изображая рвотные порывы. Крутая... Говорят, они так орала с сестрой, когда их разделили. Почему так вышло, до сих пор не знали. Мол, одна баллов не набрала нужное количество.

– Я не знаю...

Развела руками и тут поняла, что Вика обращалась, судя по всему, не ко мне. Из коридора показалась бледная Диана. Волобуева же подарила мне такой взгляд, словно я была пустым местом.

– Боже, да в туалете общественном в детском парке лучше пахнет, чем в коридоре! У них тут что, авария случилась? Канализацию прорвало?

– Ага, канализацию. Задницы у нас прорвало! Считаю, был конкурс на самый большой фонтан из... Неважно!

Мы втроем открыли рты, наблюдая, как бледный Изворотов с тряпкой и ведром зашел в ОВР. Выглядел он не как обычно, с иголки, а словно его выжали.

– Фу, Андрей! Убери эту тряпку, она...

– Она в блевотне, Диана. Представь себе. Это РВОТА. Вчера ее и дресни ту было столько, что моя жизнь больше никогда не будет прежней. С первым сентября, девочки!

Андрюха добавил еще крепкое ругательство, красочно характеризующее все произошедшее. Далее он зло развернулся, уходя в сторону туалета. Кажется, мир Вики и Дианы больше никогда не будет прежним. А мне смеяться хотелось. Андрей тоже явно не деревенский парень.

А мне было не так уж страшно. Ну, воняет и воняет, ну, плохо стало, и что? Зато такое первое сентября мы надолго запомним. Главное, чтобы с ребятами все было хорошо! Надеюсь, это не инфекция...

В итоге все девушки сидели в ОВР, а парни устраняли последствия ночного «веселья». Туалет-то мужской! Кстати, это было особенно забавно, ибо ближайший женский находился в другом корпусе на втором этаже.

– Ну что, женский батальон. Пошли-ка на плац. Скоро торжественный развод. Первого курса это тоже касается.

– Но как же... Григорий Павлович. У нас же полкурса нет...

И хоть и в ОВР сидели все тридцать девчонок первого курса факультета следователей, все равно вышло как-то жалко. Интересно, а у гаишников тоже так будет?

– Ничего, руководство в курсе наших... событий. Марш на большой плац!

Я поднялась вместе со всеми. История о том, что случилось, уже передавалась из уст в уста. К нам попозже присоединись Сохин, Изворотов и еще пять человек из второй и третьей группы. Парни все были жутко злы.

– Вас же сорок человек на этаже живет! А кабинок в туалете пять? Макара, как же вы...

– Это кабинок пять. Еще биде не посчитала.

– Это что же получается... Прямо туда?!

– Поверь, Диан, вчера вообще пофиг куда было. Как говорит начальство курса, мы теперь курсанты и должны быть готовы ко всему!

– Андрей, а что же санчасть?

– Какая санчасть? Мы весь запас активированного угля вчера сожрали. Месячный небось. Медсестра так перепугалась, что чуть ее откачивать не пришлось! Второму факультету легче далось, походу, весь удар на себя мы приняли.

– Может, вам помочь чем?

– Туалет помоешь?

– Курсант Копылова?

– Не буду я толчки мыть!

– КОПЫЛОВА!

– Маш, тебя Груша зовет!

Темные глаза Макара выдернули меня из разговора. Он тронул меня за плечо, и я обернулась. Груша нетерпеливо ждал, пока я отвечу. Покраснела. Вышла вперед.

Все пошли дальше, а я осталась стоять рядом с замначальника курса. Интересно, зачем я ему понадобилась.

– Пойдешь на трибуну Копылова. Будешь там стоять с умным лицом, судя по всему, у тебя это неплохо получается. А потом примешь ключ символический от пятикурсника. Поняла?

Кивнула. Ноги приросли к асфальту. И дело было не в двухкилограммовых ботинках. Я до смерти не хотела так выделяться. Глушкевич уже пошел вперед, а я сразу засемила за ним:

– Роман Борисович, а почему я? Может, лучше Диану? Или девочку эту высокую, Настю Маркевиченко.

Груша остановился и с интересом посмотрел на меня. Просканировал взглядом, а потом неожиданно спросил:

– Как, говоришь, фамилия у нее?

Ничего не понимая, ответила:

– Маркевиченко. Вроде Анастасия Дмитриевна она.

– Молодец, Копылова. Я уже третью неделю выговорить не могу. Журналистом будешь в группе.

Открыла рот от изумления. Каким таким еще журналистом? Я в школе журнал делала, нафиг мне такое счастье и здесь! Но сейчас же вообще не об этом!

– А ключ...

– Запомните, курсант Копылова. Решения руководства не обсуждаются. От вас я жду только «так точно» и вопросов по существу. А теперь вперед.

Понуро поплелась дальше. Ну куда я в таком виде на трибуну? Тем более к руководству. Не хочу! Я в этой полевке смотрелась как белая моль. Она сидела совершенно ужасно, волосы были в пучок аккуратный собраны. Без косметики совершенно! Хоть заранее бы сказали!

Но делать нечего. Осторожно обошла весь строй. Уже весь институт стоял на плацу, и мне пришлось одиноко короткой перебежкой у всех на глазах идти к трибуне.

Там меня встретила женщина-капитан в форме и проинструктировала, но я вообще ничего не поняла. Глядя в мои растерянные глаза, та с раздражением позвала:

– Литвин! Макс. Пойди сюда, а то эта стоит, глазами своими голубыми хлопает, объясни ей что к чему.

И, к моему полнейшему ужасу, из-за спин офицеров вышел тот самый парень с хмурым взглядом. Он осмотрел меня с ног до головы и тяжело вздохнул. Не узнал?

– Иди сюда, абитуриентка...

«Не поверите, но у меня до сих пор стоит этот дивный запах)) Это было самое оригинальное 1 сентября в моей жизни и женский батальон)) Тогда так никто и не понял, что это было, но ходят слухи, что в столовой что-то протухло. И да, безумно жалко, что рейтинг не позволяет матерных слов, поверьте, они тут так и просятся))»

Глава 12. Литвин

Смешная она все-таки. Стоит перепуганная, как воробей, в этой полевке несуразной. Я уж и забыл, как это было на первом курсе. Хотя нет, как такое забудешь. У них еще вариант лайтовый в этом году.

Это мы ночевали на губе, ходили в туалет на улице и мылись раз в месяц в бане. Спали в палатках едва ли не на земле, прикрытой досками. Эх, романтика!

Даже не верится, что в этом году я заканчиваю эту шарагу. Впереди, как говорится, долгая и верная служба отчизне. Пока пенсия не разлучит нас. Усмехнулся.

Инга Валерьевна вытащила меня на развод в такую рань, а мне еще потом на практику тащиться. Слава богу, хоть полгода отдохну от бесконечного идиотизма института.

Повел мышку за собой, взяв за руку. Та оказалась сухой и мягкой. Надо же, а как же потные ладошки? Приятная. Да вся она была приятной, с огромными голубыми глазищами на испуганном лице. Маша или как там ее.

Очередная малышка, что пришла сюда либо, потому что родители-менты запихнули, либо по глупости. Судя по выражению ее симпатичной мордашки, все же второе. Не похожа она на типичную дочку сотруди́ка.

– Литвин, давай-давай! Вот тут встанете, и, когда начальник скажет речь, он про вас упомянет. Выйдешь поближе к трибуне и передашь ей ключ этот. Да где же он...

Я вытащил ключ из-за спины. Сама же мне его отдала, забыла уже. Хорошо хоть, петь сегодня не надо, сказали, гости из Москвы какие-то крутые приезжают из департамента гаишного, времени нет, на экскурсию их везут по местным достопримечательностям.

– Умница, следи за этой, Машей.

И Валерьевна сдулась. Убежала по своим творческим делам, как всегда, умело делегировав мне свои прямые обязанности. Жаль, не доплачивают тут за такое. Я в поселение годы смело мог стать ее замом. Но...

Снова посмотрел на мышку. Та неумело поправляла выбившиеся пряди из-под чепчика этого жуткого. Берцы еще небось натирали. Она мялась в них, смешно хмурясь, и я не выдержал:

– Местная?

Она подняла на меня испуганные глаза. М-да, Литвин. Парни оборжались бы. Ей хоть восемнадцать есть? Давно девки симпатичные от меня так не шарахались.

– Нет.

Тут же вспомнил обстоятельства нашего знакомства. Ну и тупица ты, парень. Сам же ее до общаги провожал. Совсем после отпуска расслабился. Продолжил:

– У нас на улице Рощина, недалеко отсюда, есть военторг. Там берцы нормальные продают и чек как положено дают, чтобы Михалычу показать. Они облегченные и удобные, как сапоги. Сходи сразу, пока размеры есть и ваши не скупили все. Где магазин, у любого курсанта спроси, тут все знают.

И снова глаза размером с блюдца. Это ж надо. Я думал, больше испугаться она не могла. Но вдруг девушка улыбнулась, открыто и искренне. Признаюсь, где-то внутри екнуло, но я не первый год замужем. Знаю все эти улыбочки. Перевидал их в этом месте за пять лет столько...

Девки тут очень быстро смекают, что к чему и у кого теплее место на койке. Особенно иногородние. Ну а что? Папки-мамки рядом нет, следить некому, свечку держать тоже, вот и пускаются во все тяжкие.

А так как я никогда не был обделен вниманием... Собственно, такие варианты меня не интересуют. Только закончились очередные «отношения». Мозг мне повыносят дома, если что, бесплатно.

– Спасибо!

Послышался шорох. Мы стояли лицом к плацу, а на нем уже выстроился весь институт. Слева направо: четвертые курсы, так как пятые на практике полугодовой по местам направления, потом третьи, вторые и...

Внимательно посмотрел на жалкую кучку в правом углу. У них что там, бабский взвод, что ли?

– Мышка, а почему вместо первого курса одни девки стоят, не знаешь?

Она посмотрела на меня, словно не веря, что я так к ней обратился, ну да, малая, я и не то могу. Скажи спасибо, что свое фирменное обаяние не включал. Не хватало мне еще юных наивных девчонок портить.

– Так там на курсе все... Плохо им. Отравились парни вчера на ужине.

Судя по всему, отравился только первый факультет. Преимущественно. Ну да. Улыбнулся. Это ж надо так. И на первое сентября. Повара в столовой знают свое дело, это точно!

Еле сдержался, чтобы не заржать. Сегодня парням расскажу, они животы порвут от смеха. Это ж надо. Праздник знаний! Тут же вспомнилась бородастая история про курсанта, что лет цать назад решил отомстить.

За что история умалчивает, но вместе со своим другом они кхм... Заступили в наряд по столовой, получив тем самым доступ к котлам. Вроде суп был, я точно не помню. Ну и сходили в эти котлы в туалет. Seriously.

Как водится, замысел раскрылся, но не сразу. В служебной проверке так и было написано: субстанция суповая, отдающая мочой. Ржали все, кроме вкусивших сей плод. Курсантов, понятное дело, исключили, Михалыч тогда лично руководил публичной поркой, а событие попало в золотой фонд историй юридического института МВД России.

Но, как я погляжу, у нее появились достойные конкуренты. Отравиться всем факультетом на первое сентября, мужской его частью, это незабываемо. Но тут я вспомнил еще кое-что, повернулся к мышке:

– Мышка, а ты ж тоже тут живешь, значит, и ужинала в столовке, как тебе удалось не пополнить ряды своих товарищей? Ты смотри, у нас тут в институте практикуется аксиома все за одного, нехорошо так выделяться.

Ну все, такого размера испуганных глаз природа не предусмотрела. Кажется, они сейчас у нее из орбит выкатятся. Я же еле сдерживал смех. Не то чтобы у меня в правилах было кошмарить слонят (так у нас называли первокурсников), но это даже мило.

– Меня Маша зовут, вообще-то. И я не ужинала вчера!

Ого, это что это там такое прорезалось? Характер, что ли? Вот сразу ей сказать, чтобы прекращала, или потом жизнь научит? Решил, что на сегодня хватит с меня роли опытного курсанта.

Скоро до каждого поступившего, что имел удовольствие поступить в юридический институт МВД России, дойдет: свое мнение и характер он может засунуть себе в жопу и поглубже. Тут проповедуют другую религию, имя которой «так точно», «есть», «будет исполнено».

– Начальник юридического...

Взял мышку за руку и немного назад отставил. Начальство идет. Тут же заиграл оркестр, и пошли стандартные наши мероприятия. Вот первый курс насмотрится...

Слева показались гости с руководством. Все такие презентабельные и непременно по форме. По уставу, все как Михалыч любит. Он, кстати, и говорил в микрофон своим поставленным басом, стоя прямо перед трибуной.

– Равняйся! Смирно!

Первокурсники в этот момент беспорядочно головами мотали. Ну ничего, их тут еще научат, Родину любить.

Руководство промаршировало строевым шагом до трибуны, выполнили обычные строевые схемы, и вот пошла речь. За что любил начальника института, так это за краткость.

Особенно помогает зимой, когда ты стоишь и ноги примерзают. Есть у нас любители растянуть развод во вьюгу, стужу и минус двадцать. Тогда отогреваешься дай бог к третьей паре.

Все завершилось, и начальник вернулся на трибуну к гостям. Мышка совсем вжалась в стену, рассматривая гостей. Она чуть не пропустила наш выход, но зря я, что ли, в клубе столько лет оттарабанил? Пихнул ее вперед.

Начальник, увидев меня, тут же протянул руку и улыбнулся, нормальный мужик. Когда царя не включает. Он с гордостью произнес:

– Дорогие коллеги, это наша гордость, Максим Литвин, выпускник, идет на золотую медаль, рукопашник, бесподобно поет и не раз защищал честь института на...

Ну все, сам себя сейчас в щеки расцелую. Как на трибуне, так гордость института, как второе место на соревнованиях по рукопашке, так безрукая певичка в баре. Уж определитесь, товарищ генерал.

Тем не менее лицо я держал умело. А вот мышка нет. Побледнела вся, смотрела на меня как на бога местного разлива. Ой, только не влюбись, девочка, у меня таких, как ты, полинститута по курилке бегают.

– Это тоже весьма символичная девушка. Первокурсница поступила с лучшим баллом, отец бывший сотрудник, погиб при исполнении в Чечне.

Я быстрым взглядом скользнул по ее лицу, что за одно мгновение окрасилось такой гаммой эмоций... Боль, неверие, упрямство. Только не рыдать, Мышка. Схватил ее за руку и стиснул.

Походу, для девчонки это все слишком. Это там, в строю они все стоят и недоумевают, что за пауза, а тут человеку душу вывернули, словно она манекен какой.

Таковы уж тяготы службы, малая. Подтолкнул ее к краю трибуны. Наш выход. Символично поднял ключ повыше, чтобы все видели, а потом демонстративно передал его в маленькие трясущиеся ручки Маши.

Та уже собралась и, приняв из моих рук подарок, тоже подняла его над головой. Умница, еще научишься. А я... А я постараюсь к тебе не приближаться. Думаю, в твоей жизни и без таких, как я, приключений будет с достатком.

Уж в этом институте точно.

Глава 13. Андрей Изворотов

Я, конечно, знал, что будет «весело», но даже представить не мог, что настолько. И пока подавляющая часть курса валялась, отходя от ночного приключения, мы, уставшие, с застоявшимся запахом говна в носу, наблюдали, как впереди маршируют курсанты старших курсов.

– У-у-у, слоны, что там у вас?

– Им хоботы ходить мешают!

Тупой ржач второго курса не вызывал ничего, кроме раздражения. Если через год я хоть раз произнесу слово «слон», надо попросить Сохина прибить меня.

– Ничего, парни, через месяц будете так же ходить!

Покосился на бравого паренька. Румяного такого, долговязого. Утром его Груша представил как еще одного нашего курсового. Мол, конкретно этот будет командиром взвода, то есть группы, то есть... Черт!

Куликов Николай Павлович. Про себя мы его уже звали Николяша. Говорят, он едва выпустился и сегодня у него первый день рабочий. Он смотрит на нас с таким восторгом и воодушевлением, словно не учился здесь же пять лет.

Я уже поглядел и послушал в курилке старшекурсников. Юридический институт МВД оказался полон сюрпризов. Думаю, нам тут будет весело. Намного веселее, чем отец мне рассказывал. Покосился на высокого хмурого парня сбоку.

Тоже наш одноклассник, и пока самый тихий. Олег Макаров вроде. Мы по большому счету группой-то еще и не собирались ни разу нормально. То одно, то другое, то «лучший» ужин в моей жизни в столовой. Так сказать, почти Мишлен.

Глазами нашел отца. Тот с остальными начкафами стоял слева от трибуны при полном параде. Праздничный серый китель, увешанный медалями, словно он участвовал во всех боевых операциях мира, фуражка, брюки с идеальными стрелками, начищенные уставные туфли.

С него всегда можно было снимать кино про идеальных военных. Точнее, извиняюсь, милиционеров. А вот мне вечно доставались уколы и комментарии, что я недостаточно хорош, недостаточно аккуратен, недостаточно умен, хитер, изворотлив. Изворотливый Изворотов.

– Вольно! Начальникам курсов сделать объявления и направить личный состав согласно распорядку дня.

И вот начальник института дал команду и вместе с гостями направился с плаца. Без понятия, какая там у нас программа, но вроде в первый день не то чтобы полная загрузка.

– Итак, товарищи курсанты. Мы с вами сейчас направимся в аудиторию третьего корпуса для урока мужества. Далее будет организационное собрание, где мы вам озвучим расписание и решим несколько вопросов. А теперь стройся!

И понеслась... в тесной аудитории без окон было душно. Хоть дверь и открывали, но все равно с меня семь потов сошло. Нас с Макаром посадили на самую первую парту, за нами сели Маша и Настя со сложной фамилией.

Урок мужества, или как его там, пролетел мгновенно. Пока мы изнывали от жары, невысокий старичок с нежностью рассказывал про то, как воевал. Ветеран.

Смотреть на него было приятно, если бы именно его я не слышал уже раз пять. А так, кроме уважения, я испытывал только раздражение. Другие слушали тихо и лишь какие-то отбитые сзади периодически ржали, за что получали многозначительные взгляды от руководства курса, что сидело тут же, как коршуны над... Не суть:

Все закончилось, и нас отпустили на перемену. Другие курсы уже сновали по коридору, напоминая мне матерых муравьев. Все при параде, в кителях и белых рубашках. Девчонки в юбках, и лишь одни мы как бомжи в полевке.

Полевая форма – это, конечно, удобно, не спорю, но уж слишком мы выделялись. Я знал, что ее носить курса до третьего, а кители мы не надели, потому что тупо не успели их оборудовать.

Да, глядя на одного Семена, который, судя по всему, сегодня был просто счастлив, что его задница не засветилась на плацу при всех, становилось весело. Слоны мы или кто, но уж точно не посмешище. Надеюсь.

Не хотелось ни с кем задираться. Отец строго сказал, что за каждый проступок, будь то драка или самоволка через всем известные дыры в заборе, вероятность отчисления пятьдесят на пятьдесят.

Ну, то есть отчислят или не отчислят. Если поймал не Михалыч, шанс есть, а если попал на зама, то все, сушите ласты, как говорится.

– Так, предлагаем централизованно закупиться уставными сумками. Сдаем по две тысячи рублей. К таким Олег Михайлович точно не будет иметь претензий, дизайн с ним уже утвердили.

Как всегда. Ребята, у вас есть выбор: либо покупаете наши сумки, либо вот эти. Хотя эти тоже наши. Но лично мне пофиг было. Я не Диана, чтобы томно вздыхать над тем, какая у меня там сумка.

Повернулся вбок. Взгляд зацепился за Машу Копылову. Интересно, а эта чья дочка? В первой группе случайных людей не бывает. Ну, кроме Семеныча, тому просто не оставили выбора. Баянист...

Сохин хоть и отнекивается, но отец мне уже едва ли не про каждого выложил. Кто за кем и через кого. До сих пор помню его слова:

– Андрей, тут практически за каждого на сессии будут просить. Ты должен быть лучшим, без вариантов. Если я буду за тебя краснеть... Ты же понимаешь, что с такими фамилиями у вас пятерки на вес золота будут? Всей группе их не поставят, средний бал не должен быть выше четырех и два. Ты меня понял?

Понял, папа. Как я мог забыть, что поступил сюда восхвалять славное имя Изворотовых. Тьфу.

– Андрюх, хорош об отце думать. Ты бы лучше сейчас мне сказал: мы же не можем травануться второй раз?

Макар хмуро смотрел, как мы шли по коридору на выход из корпуса. Время обеда. Утром никто из нас не изъявил желания посетить это волшебное место. А вот сейчас есть хотелось уже ощутимо.

Отец из принципа сказал, еду давать не будет. Мать обещала на угол приносить иногда, но пока она шифруется. Может, на выходные отпускать будут. Но такая история... Есть-то каждый день хотелось.

– Не должны.

– Если что, ты первый мне беги сортир занимать.

Мы переглянулись и заржали. Сегодня ночью у нас такая очередь в туалет была, что мы почувствовали себя бабками, стоящими к терапевту. Борьба не на жизнь, а на... Ой все!

– Да у них небось проверки будут до самого вечера, плюс гостей еще кормить. Не думаю, что сегодня есть тут опасно. Тем более я с ребятами говорил, такое здесь впервые было.

Вместе с Макаром обернулись. О! Хмурый парень заговорил. Олег вроде... Словно отвечая на наш вопрос, он сказал:

– Олег Макаров.

– Ты суворовец?

Из уст Сохина прозвучало как ругательство. Макар вообще был слишком... Правильный, что ли. Хотя просто не попал еще в местные жернова. Справедливость и этот институт – две параллельные прямые.

– Да, а что?

Чуть не закатил глаза, как девица на выданье. Еще не хватало успеть тут на пустом месте постраться. Поспешил разрядить обстановку:

– Парни, хорош. Нам и так тут пять лет куковать, давайте не искать повода залупиться раньше времени.

Сохин поморщился. Ах да, он же у нас филолог, не особо любит все эти словечки жаргонные. Зато обстановку разрядил, и Макар, не глядя на меня, пробубнил:

– Извини, Олег, просто...

– Да видел я все на вступительных, и потом. Откуда узнал хоть? Я не афишировал.

– А Васильев вот прошелся, правда, судя по тому, что отозвался он о тебе не как о любимой жене...

Олег усмехнулся, и это сразу же сделало из темного рыцаря человека. Чую, с таким в клубы ходить – всех девок красивых профукивать. Но до этого далеко еще.

– Дамы, вы еще не все сплетни обсудили? У меня скоро желудок прилипнет к небу!

– Главное, чтобы у тебя язык не прилип, Андрюха, а то это главное твое оружие.

Хотел шутливо пнуть Макара, но тот увернулся. Олег снова стал хмурым, но теперь спокойно держался нас. Так и пошли втроем, возглавляя процессию.

Завтра наверняка с утра так бежать на пары. Курсовые сказали, что мы через день за загородную базу будем прогуливаться пешим шагом, так что... Лишнее плечо нам не повредит.

Тем более, раз человек сейчас не атакует кабинки туалета на курсе, то у него как минимум есть нюх, а как максимум мозги.

Глава 14. Маша

Первое сентября пролетело как одно мгновение, и вот нас уже строят на плацу в восемь утра. Я так не выспалась! Жутко нервничала после вчерашнего, да еще и целый день нас заставляли то строем ходить, то убираться, а когда настал вечер мы... Просто сидели!

Просто просидели с шести до восьми в комнате девочек. Кстати о ней... На курсе была такая. «Женская комната». Метров двадцать, с жуткими бордовыми обоями, черным ковролином, столом, пятью стульями и старым потертым диваном. Ах да! Еще стояло пять шкафов.

Пять! Где мы оставляли вещи, раздевались (хотя что тут снимать? Мы всегда в полевке этой теперь). И, судя по всему, эти шкафы ни разу не были рассчитаны на почти сорок девушек.

Кстати, «бабский взвод» прицепился к нам намертво. Потому как оказалось, что за всю историю института мы первый курс, где девочек практически столько же, сколько и мальчиков.

В том году из ста пятидесяти человек на первый курс первого факультета взяли аномально много дам, аж двадцать пять. Нас же было тридцать шесть, при общем числе в семьдесят девять.

И если в первые дни проблемой это не было, то вчера, когда парням наряды раздавали вечером (да-да, тем, кто остался в живых и без привязки к туалету), случилось непредвиденное.

Парней не хватало. Наряды же распределяются по курсам, и как бы всем было плевать, кто и как их закрывает. На втором факультете было сто двадцать человек и двадцать девчонок, но нарядов у них столько же, сколько и у нашей могучей кучки.

Как сказал Николяша, это попадос, товарищи курсанты. Зато Диана, которую тут же назначили нашей старшей девушкой, радовалась, что нам нарядов меньше достанется. У нас получалось едва ли раз в месяц.

А у парней каждые три-четыре дня. Каждые три-четыре дня! Ужас. Вот я и проворочалась всю ночь. Хотя должна была собираться. Полевку эту гладить. Она, кстати, уже после двух раз стала блестеть как начищенный чайник.

– Девчат, что-то я учусь здесь второй день, а уже задолбалась.

Вика демонстративно зевнула, а потом уселась прямо на порожек. Мы стояли в кучке позади строя пока нас пытались сформировать в нечто похожее на порядочных курсантов.

– Ты задолбалась! Тебя такси с утра привезло, а я с микрона тащилась через весь город, еще маршрутку ждала минут пятнадцать. Заходила на КПП и чуть сердечный приступ не схватила!

– Почему? – не выдержала я, обращаясь к девочке кажется из третьей группы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.